

The image is a full-page illustration for a book cover. It depicts a winter scene with snow falling. In the foreground, a woman with long, flowing blonde hair and blue eyes is shown from the waist up. She wears a purple strapless gown with a blue cape and a blue sash. She is holding a baby wrapped in a blue cloth. In the background, a man in a blue hooded cloak and dark clothing is running towards the right. The setting includes a stone house with snow on its roof and a snowy landscape with trees. The sky is dark blue with a small bird flying in the upper right corner.

Алиса Князева

Ненужная жена
ХОЗЯЙКА
ПОСТОЯЛОГО двора

Алиса Князева

**Ненужная жена. Хозяйка
постоялого двора**

«Автор»

2026

Князева А.

Ненужная жена. Хозяйка постоянного двора / А. Князева —
«Автор», 2026

Я не помню, как оказалась в лесу с ребёнком на руках. Кругом только снег и волки, но бежать приходится от кого-то пострашнее. Лишь чудом мне удаётся добраться до старого постоянного двора, но именно здесь меня настигает преследователь — высокий синеглазый красавец, который ищет сбежавшую жену и сына. Он зол и опасен настолько же, насколько привлекателен, явно богат и обладает властью, но я чувствую, что от него следует держаться подальше. Мы же никак не можем быть теми, кого он ищет?

© Князева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Визуализации	12
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	31
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	38
Глава 12. Кристард Деролон	40
Глава 13	43
Глава 14	46
Глава 15	49
Глава 16. Кристард Деролон	51
Глава 17	53
Глава 18	55
Глава 19. Кристард Деролон	57
Глава 20	60
Глава 21	63
Глава 22	66
Глава 23. Кристард Деролон	69
Глава 24	72
Г	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Алиса Князева

Ненужная жена. Хозяйка постоянного двора

Пролог

— Ты не можешь мне запретить! — Я топаю ногой, сверкая глазами.

Высокий мужчина, стоящий у окна, даже не повернулся на этот детский жест. Лишь его широкие плечи едва заметно напряглись под дорогим камзолом.

— Могу и запрещаю. — Его низкий голос звучит обманчиво спокойно. — Ты носишь моего наследника. Никаких прогулок верхом, никаких экспериментов с МОЕЙ магией, которую ты получаешь через метку истинности, никаких...

— Я не твоя пленница! — перебиваю я. — Да, я беременна, но это не повод обращаться со мной как с хрустальной вазой! Я прекрасно себя чувствую и хочу...

— Меня не интересует, чего ты хочешь. — Кристард наконец оборачивается, и его синие глаза опасно мерцают. — Интересует лишь безопасность ребёнка.

— Только ребёнка? — горько усмехаюсь я. — А как же я? Я для тебя просто... matka?

Кристард медленно направляется ко мне, а я невольно отступаю. Сейчас он выглядит как человек, но в его движениях сквозит хищная грация. Опасный, сильный. То, что так привлекало меня в начале этого безумия, показывает свою тёмную сторону. Я всё чаще задумываюсь о том, что сделала непростительную ошибку, согласившись стать его женой. Не стоит того возможность пользоваться магией.

Дракон останавливается в шаге от меня, возвышаясь, как тёмная башня.

— Ты моя жена. Мой выбор. Моя... — Последнее слово он практически выдыхает.

И от этого звука по спине пробегают мурашки.

— А если я не хочу быть твоей? — Я вздёргиваю подбородок, пытаюсь скрыть страх за дерзостью. — Я... если с ребёнком что-то случится? Ты же сам говорил: магия непредсказуема и порой случается сама собой. Кто знает, что может произойти, если я продолжу практиковаться?

Воздух в комнате внезапно становится густым и тяжёлым. Крис хватает меня за подбородок, заставляя смотреть в глаза, теперь полыхающие настоящим огнём.

— Ты смеешь мне угрожать? — Его голос становится низким, рокочущим, в нём слышались нотки драконьего рыка. — Думаешь, я позволю тебе играть с жизнью моего наследника?

Я уже жалею о своей провокации. Теперь мне действительно страшно.

Температура в комнате резко поднимается, как будто рядом разожгли костёр.

— Я могу быть очень... убедительным, дорогая, — рокочет он, наклоняясь к моему лицу. — Не заставляй меня демонстрировать насколько.

— Ты... не посмеешь. — Я сама знаю, это звучит жалко. — Я всё равно найду способ. Ты не можешь контролировать каждый мой шаг!

Кристард улыбается, и от этого у меня холодеет внутри. Его пальцы скользят по шее, оставляя обжигающий след.

— Правда? Хочешь проверить? — Он щёлкает пальцами, и вокруг меня на пару ударов сердца появляется тонкое магическое кольцо. — Отныне ты не сможешь покинуть эти покои без разрешения. Каждое твоё действие, каждый вздох будут под моим контролем.

— Ты чудовище!

— Я дракон, — просто отвечает он. — И я защищаю то, что принадлежит мне. Любой ценой.

Развернувшись, муж направляется к выходу, но у двери задерживается:

— И да, дорогая... Если с ребёнком что-то случится по твоей вине... — Он не заканчивает фразу, но температура в комнате поднимается ещё на несколько градусов.

Когда дверь за ним закрылась, я падаю на колени, давясь рыданиями. Рука ложится на плоский пока живот.

— Прости, малыш, — шепчу я. — Но я должна что-то сделать. Иначе мы оба станем его пленниками навсегда...

Глава 1

— Лен, ты там в спячку, как медведь, впала или что?!

Я в сотый раз проверяю время на телефоне. Уже почти восемь вечера, а я всё ещё колдую над этими бесконечными салатами. Время есть, так что сравнение звучит особенно обидно.

Пальцы болят от нарезки, спина ноет оттого, что уже несколько часов стою у разделочной доски. Не знаю, зачем Гена просил столько, мы вдвоём планировали отмечать... С другой стороны, сейчас наготовлю и можно на неделю забыть про кухню, перекусить точно будет чем. Может, ещё друзья зайдут.

Единственное, чего я не предусмотрела, — после рабочего дня этот подвиг особенно тяжёл. Но я так хочу создать праздничное настроение, сделать всё идеально для нашего новогоднего вечера.

Режу колбасу для «Оливье», когда из зала снова раздаётся:

— Копаешься, как улитка, так мы вообще ничего не успеем!

Как будто острый нож вонзается не в овощи, а прямо в сердце. Он сидит в гостиной, уткнувшись в телевизор, а я тут разрываюсь между плитой и холодильником.

Неужели так сложно было хотя бы яйца сварить или картошку почистить?

Горечь подкатывает к горлу, но я глотаю её вместе со злыми слезами. Не хочу портить праздник скандалом, хотя внутри всё кипит от обиды.

В последнее время часто ловлю себя на мыслях: «А счастлива ли я? Может, пора признать, что мы с Геной просто разные люди? Что я устала быть единственной, кто старается для семьи?»

Руки механически нарезают продукты, а в голове крутится карусель мыслей. Вспоминаю, как познакомились, как влюбились...

Куда всё это делось? Когда он превратился в этого избалованного, вечно недовольного ребёнка?

Свекровь всё твердит, что нам пора о внуках для неё подумать. Мол, тогда-то он за ум возьмётся, но вот смотрю я на эту ситуацию и понимаю: «Какие дети?»

Хотя очень хочется. Не выходит только. Рискнуть и загадать желание под бой курантов?

Звонок в дверь врывается в мои невесёлые размышления, как гроза в разгар зимы.

— Ген, ты позвал кого-то? — Я выхожу из кухни одновременно с ним.

— Ну да. Мать, сестру.

— Что?! Почему я об этом только сейчас узнаю?!

Гена театрально вздыхает, закатывая глаза.

— Начинается... Вечно ты придираешься. То не так, это не так. Я вообще мог с друзьями пойти праздновать, между прочим. Будь благодарна, что я дома остался.

От такой наглости у меня перехватывает дыхание.

Благодарна? Серьёзно? За то, что он соизволил встретить Новый год с женой?

— Можно было предупредить, что мама твоя придёт, — не выдерживаю я. — Разве нельзя такие вещи обсуждать?

— А что обсуждать? — Он смотрит на меня с искренним недоумением. — Мама сама решила зайти, не чужой человек. Или ты что-то имеешь против моей матери?

— Дело не в маме. Дело в том, что ты не считаешься со мной. Вообще.

— Ой, ну начала... — Гена поворачивает ключ, отпирая дверь. — Сейчас опять будут претензии на три часа. Тебе просто заняться нечем, вот ты и придумываешь проблемы на ровном месте.

Как говорится, беда не приходит одна. Вместе со свекровью в квартиру врываются Гриша и Гоша, Генкины племянники, и их мать Маша с годовалой дочкой на руках.

Если свекровь я ещё могу вынести, то золовку — выше моих сил. Сухо поздоровавшись, я разворачиваюсь, скрываюсь на кухне и закрываю дверь.

Возвращаюсь к салатам, с остервенением шинкую лук. Слёзы катятся по щекам. То ли от лука, то ли от осознания того, во что превращается праздник. Да лучше б я к родителям уехала, чем кормить тех, кто меня ни во что не ставит.

Квартира наполняется шумом. Близнецы Маши носятся по коридору, их топот смешивается с плачем маленькой Алисы. Боюсь представить, как долго мне придётся убираться...

Свекровь громко командует парадом, Маша то и дело забегает на кухню:

— Лен, дай что-нибудь пацанам перекусить, они же с утра голодные!

Киваю молча, протягивая тарелку с нарезкой. По крайней мере, на кухне я одна, и это неожиданное благо.

Краем уха слышу, как свекровь отчитывает Гену за неправильно поставленные бокалы, пусть лучше его воспитывает, чем меня. В другой комнате Маша пытается успокоить разошедшихся близнецов, которые, кажется, решили устроить родео на новом диване. Я заканчиваю последние приготовления, расставляю салаты, проверяю горячее в духовке.

Наконец, все рассаживаются за столом. Гена плюхается на почётное место главы, одаривая меня снисходительным взглядом. Мол, видишь, какая у нас большая семья, радуйся, что тебя приняли. Свекровь придирчиво изучает сервировку, но, кажется, придаться не к чему. Маша пытается накормить Алису, которая упорно выплёвывает пюре из «космопакета» и тянется к бокалу с шампанским. По телевизору крутят дурацкие новогодние шоу, но от праздничного настроения не осталось и капли. Я прикрываю глаза, гадая, как долго будут сидеть наши гости и когда я, наконец, смогу пойти спать.

— У меня важное объявление! Пока президент не начал, — вдруг восклицает Маша, и все замолкают. — Мы с Пашей снова ждём малыша!

Комната взрывается поздравлениями и восторженными возгласами. Свекровь утирает слезу умиления:

— Четвёртый внучек! Какая ты у меня молодец, доченька!

И тут же, словно по сценарию, поворачивается ко мне.

— А вот некоторые всё никак не могут порадовать мужа наследником. Леночка, тебе уже не восемнадцать, пора бы и о детях подумать.

Чувствую, как краска заливает лицо. Да, спасибо, что напомнили, а то я не заметила.

Гена рядом глупо кивает. У него никаких проблем, он готов хоть сейчас.

— Вон, Машенька и работает, и троих растит, и четвёртого ждёт! — не унимается свекровь. — А ты всё карьеру строишь...

Я смотрю на довольную Машу, на её вечно растрёпанных близнецов, на зарёванную Алису.

Такую ли жизнь я хочу? Родить ребёнка мужчине, который ведёт себя как избалованный подросток? Вот бы вернуть мужа матери, а самой спокойно заботиться о малыше. Мне кажется, Гена будет бесить меня куда сильнее капризов, коликов и недосыпа...

Ответа от меня не ждут. На экране телевизора появляются кадры Кремля, а значит, новая точка отсчёта совсем близко. Гена наполняет бокалы, пока мы слушаем речь, считаем куранты. Дети кричат: «Ура». А я понимаю, что завидую их беспечности.

Выпив, все резко собираются на улицу — оказывается, Гена купил фейерверк. Я лишь закрываю глаза. Ещё одна несогласованная покупка. Подарок для меня он не готовил (и так всё есть), а минута веселья по цене крыла от самолёта — это запросто. Сестра же пацанов привезла.

Может, я просто злая?

— Скорее! — кричат мальчишки, толкая друг друга в коридоре. — Там уже запускают!

— Шапки! — рывкает на них мать и пытается засунуть в «скафандр» Алису, которой давно пора спать.

Я выхожу на лестничную площадку. Надо было дома остаться, но хочется проветрить голову. Начинаю спускаться по ступенькам, как вдруг кто-то из мальчишек проносится мимо, как ураган.

Всё происходит слишком быстро. Он задевает меня, как раз когда я делаю шаг. Ступенька пропадает из-под ноги, и лестничная площадка совершает кувырок. Кажется, я успеваю вскрикнуть, прежде чем наступает темнота.

Сознание возвращается неохотно, меня тянет к нему какое-то отличное от привычного набора чувство. Понимание, что я должна проснуться прямо сейчас.

Потом приходит пронизывающий холод.

Открываю глаза и не могу поверить в происходящее. Я сижу в сугробе, а вокруг заснеженный лес. Высокие ели, укрытые белыми шапками, тишина, нарушаемая только скрипом веток под тяжестью снега. Ночное небо усыпано звёздами — яркими, каких я никогда не видела в городе.

Пытаюсь встать и вдруг понимаю, что держу что-то... кого-то. В моих руках, укутанный в тёплое одеяло, спит младенец. Сердце пропускает удар, потом начинает колотиться как безумное.

Откуда здесь ребёнок? Почему он у меня?

Я же только что была на лестничной клетке своего дома в новогоднюю ночь...

Глава 2

Малыш шевелится и тихонько посапывает во сне. Ему на вид месяца три-четыре, пухлые щёчки розовеют от мороза. Инстинктивно прижимаю его ближе, защищая от холода. Он замотан в тёплый конвертик, так что мне видно только шапочку и шарфик, но его явно тщательно подготовили к прогулке.

Осматриваю себя, на мне тёплая шуба, которой у меня никогда не было, зимние сапоги, варежки. Всё добротное, качественное, но совершенно незнакомое. Одежда тоже. Длинная плотная юбка, прячущая ноги несколькими слоями.

— Что за бред? — шепчу я, оглядываясь по сторонам.

Лес кажется бесконечным, не видно ни огней, ни дорог. Только снег, в котором уже почти полностью спряталась траншея, которой я сюда пришла, деревья и звёзды. Младенец вздрагивает от моего голоса и открывает глаза — удивительно синие, почти светящиеся в темноте. Он смотрит на меня без страха, с каким-то недетским спокойствием и... узнаванием?

Дети в его возрасте вообще так могут?

Паника накатывает волной. Что делать? Куда идти? Как я здесь оказалась? И главное — чей это ребёнок? Почему он у меня?

От страха и растерянности хочется кричать, но я сдерживаюсь. Поистерить можно и потом. Если это «потом» будет. Мне нужно выбраться из этого леса и найти укрытие. Со мной ребёнок, нужно сделать всё возможное, чтобы сохранить его жизнь.

Не так важно, почему я здесь, да? Куда важнее, что я буду с этим делать.

Знать бы ещё, что именно в такой ситуации делать...

Снег хрустит под ногами, и этот звук кажется оглушительным в ночной тишине. Я пытаюсь определить, в какую сторону идти, но все направления выглядят одинаково. Тёмные силуэты елей, бесконечные сугробы и никаких ориентиров.

Останавливаюсь перевести дух, прислоняюсь к дереву. Руки уже ноют от тяжести ребёнка, но я боюсь опустить его даже на минуту. Малыш уснул и причмокивает губами, его дыхание создаёт маленькие облачка пара в морозном воздухе.

— Так, Лена, думай, — приказываю я себе. — В каждом лесу есть север и юг. Мох на деревьях...

Вглядываюсь в стволы, но в темноте все они кажутся одинаково тёмными. В городе такие знания не требовались, а теперь я жалею, что пропускала мимо ушей рассказы отца об ориентировании на местности.

Чёрт, да и как мне это поможет? Знать, где север, имеет смысл, только если понимаешь, куда тебе идти. Я не слышу ничего, кроме воя ветра. Ни шоссе, ни железной дороги.

Ничего себе погуляла на застолье, а? Я шампанское только понюхала!

Пытаюсь найти Полярную звезду. Вроде она должна указывать на север? Но небо здесь какое-то чужое. Звёзды складываются в незнакомые узоры, и даже луна выглядит иначе, кажется больше обычной.

Где-то вдалеке раздаётся вой. Сердце подпрыгивает к горлу. Волки? Здесь есть волки?!

Инстинктивно прижимаю малыша ещё крепче, оглядываюсь по сторонам в поисках укрытия. Вой повторяется теперь ближе, и к нему присоединяются другие. Стая.

— Спокойно — шепчу я дрожащим голосом. — Нужно забраться на дерево. Да. Прямо сейчас, пока они далеко. Волки точно не лазают по деревьям.

Выбираю ель попышнее и подныриваю под её ветки. Снег предательски скрипит под ногами, каждый звук кажется оглушительным. Младенец беспокойно ворочается. Может, чувствует мой страх?

Спотыкаюсь о скрытый снегом корень, едва удерживаю равновесие. Ребёнок вздрагивает и начинает хныкать.

— Т-ш-ш, маленький, т-ш-ш.

Как некстати... У меня ничего нет: ни еды, ни воды, ни соски. В карманах шубы только носовой платок.

Вой совсем близко, и я различаю хруст снега, который издаю не я. Была не была, пора лезть. С младенцем на руках — та ещё задачка...

Прижимаю к себе ребёнка одной рукой, а второй — хватаюсь за ветку. Наверно, со страху, а может, от холода в моём теле отключилось ощущение боли, и мне удаётся подтянуться одной рукой. Благо забираться на дерево не так сложно, веток здесь много, главное — следить, чтобы ничего в глаз не попало ни мне, ни ребёнку.

Малыш открывает глаза. Он не плачет, смотрит на меня всё с тем же непонятным спокойствием. Мы забрались уже метра на два, когда внизу слышится странный звук. Медленно оборачиваюсь через плечо.

В просвете между деревьями стоит огромный белый волк. Он смотрит на нас, склонив голову набок, и в этом взгляде нет угрозы — только любопытство, но проверять это у меня нет никакого желания.

Чёрт, он же уйдёт? Мне не суждено помереть от холода, сидя на дереве?

В кустах вокруг что-то шевелится, и я инстинктивно поднимаюсь ещё на пару веток. Ребёнок кричит и морщится: то ли веткой задело, то ли он начал замерзать. Я вздрагиваю от этого звука, пробую одновременно перехватить его покрепче и не свалиться, а когда снова смотрю вниз, то вздрагиваю, а сердце пропускает удар.

Волков теперь больше. Штук семь, и это только те, что передо мной. Все смотрят на меня будто на забравшуюся на дерево кошку. Тот, что пришёл первым, садится, обернув лапы пушистым хвостом.

Прекрасно. Решили подождать, пока я сама к вам в пасти упаду?!

Ребёнок начинает плакать. Сейчас сбегутся вообще все волки!

Я неловко дёргаюсь, пытаюсь укачать и успокоить его, но толку от этого нет. Пушистые зверюги внизу располагаются в ожидании. Я для них как представление в цирке, судя по всему.

Двое уже разлеглись в снегу, потягиваются, ещё один затеял шуточную драку. Это что за хищники такие?! А ведь выглядят так мило и дружелюбно, но зуб даю: слезу — они меня сожрут.

Внезапно небо разрезается каким-то звуком. Я понятия не имею, кто или что может ТАК кричать. Волки вскакивают, начинают скулить и озираются. Ребёнок на моих руках, напротив, почему-то резко успокаивается и смотрит на меня своими большущими синими глазами.

Крепче прижимаю его к себе, тоже пытаюсь понять, что напугало волков и не несёт ли для нас с ребёнком это куда большую опасность. А потом яркий лунный свет закрывается чёрной тенью. На лес напозаает чернота, а когда я вскидываю голову, то не верю своим глазам.

Это... грёбанный дракон? Я свихнулась?

Визуализации

Дорогие читатели!

Рада приветствовать вас в новой истории по миру Штормлара. Это уже третья, но читаются они как самостоятельные истории

Лена, попавшая в тело Элены, но пока не осознавшая, насколько ей «повезло»

**Её супруг, дракон, лариан и какой-то мутный пока тип
Кристард Делорон**

Глава 3

Сижу, вжавшись в шершавый ствол дерева, и пытаюсь унять дрожь в коленях. Волки не возвращаются, крылатое чудовище, к счастью, тоже. Руки у меня уже ооченели, вес ребёнка даёт о себе знать. Да и адреналин отступил, лучше спуститься сейчас, пока у меня ещё есть силы.

Спуск даётся тяжело. Одной рукой держусь за ветки, второй — прижимаю малыша. Пару раз кажется, что я навернусь и сверну шею, но, к счастью, удача надо мной сжалилась. На половине пути замираю, переводя дух. Спускаться, оказывается, сложнее: не видно куда ногу ставишь. Снова смотрю на небо, но оно остаётся тихим и ясным.

Может, и не было никакого дракона? Вдруг он мне с перепугу почудился?

Наконец, ноги касаются снега. Лес снова погрузился в безмолвие, но теперь эта тишина кажется зловещей. Нет, дракон всё же был. Иначе куда убежали волки? Их следы — вот они, прямо передо мной.

Каждый треск ветки заставляет вздрагивать, каждая тень мерещится затаившимся хищником. Холод пробирает до костей. Зубы стучат так, что приходится стиснуть челюсти. Ребёнок, похоже, тоже замёрз, начинает хныкать, и этот тихий плач разрывает мне сердце.

— Т-ш-ш, маленький... Сейчас что-то придумаем, — вру я, оглядываясь по сторонам.

Очень хочется точно так же заплакать и требовать, чтобы кто-то помог решить мою проблему, но, боюсь, взрослая здесь только я. Этот ребёнок зависит от меня.

— Ладно, — тихо говорю я, чтобы хоть немного разбавить угрожающее завывание ветра. — Давай попробуем куда-нибудь пойти. Не туда, где волки. В другую сторону.

Малыш хнычет, а после вздыхает. Мне хочется видеть в этом определённое понимание с его стороны.

Бреду вперёд, с трудом переставляя ноги в глубоком снегу. Куда идти? Я выбираю направление по принципу «противоположное» от волков направление, но не факт, что найду там людей. Мне нужны именно люди, тепло. Сколько ещё я продержусь на морозе? А ребёнок? Он и так герой, раз шарахается вместе со мной.

Интересно, как я тут очутилась? Мы шли смотреть салюты, но дошли или нет — не помню. Я вроде перед этим думала, что хочу ребёнка, но... не слишком ли быстро исполнилось моё желание?

Хотя малыш на удивление спокойный. Помню, какой шумной была Машина Алиса... Мне казалось, этот ребёнок никогда не замолкает. Мне бы хотелось, чтобы мой был таким же.

А если это и есть мой?

Обдумать мысль я не успеваю. Впереди вдруг мелькает свет. Сперва, кажется, почудилось, но нет! Там точно тёплый жёлтый огонёк!

Сердце подпрыгивает от надежды. Ускоряю шаг, потом почти бегу, спотыкаясь и увязая в сугробах.

Огибаю заснеженный куст и оказываюсь на заснеженной дороге. Достаточно широкой, чтобы тут разъехалась пара легковушек. На снегу следы, как от саней. Свежие!

За поворотом обнаруживается большая телега, гружёная какими-то тюками и ящиками. На козлах две закутанные в меха фигуры. Фонарь, подвешенный на длинном шесте, раскачивается, отбрасывая причудливые тени.

— Помогите! — Мой голос срывается и теперь больше похож на хрип.

Фигуры оборачиваются — это девушки, совсем молодые. Одна рыжая, с россыпью веснушек на круглом лице, вторая темноволосая, с раскосыми глазами.

В глазах расплывается. Я спасена... Мы спасены!

— Драконы боги! — восклицает рыжая, спрыгивая с козел. — Откуда ты здесь? С ребёнком!

— Да ты же совсем замёрзла! — подхватывает вторая, уже расстёгивая свой меховой плащ.

Они суеются вокруг меня, помогают забраться в телегу, укутывают в тёплые одеяла. Рыжая достаёт откуда-то флягу.

— Пей, это травяной отвар с мёдом. Согреешься.

— С-спасибо.

Горячая жидкость обжигает горло, но это приятная боль. Чувствую, как тепло растекается по телу. Малыш тоже получает свою порцию заботы. Темноволосая ловко проверяет его пелёнки, растирает ручки и ножки, не разворачивая сильно конвертик.

— Я Мира, — представляется рыжая. — А это Таша. Мы везём припасы в «Сосновый двор»

— П-приятно п-познакомиться, — отстукиваю я зубами. — А я Лена.

— Поедешь с нами, — заявляет Мира. — А то тут тебя волки или кто похуже слопают. Это она, видимо, про дракона.

Киваю, с трудом сдерживая слёзы облегчения. Не знаю, кто эти девушки и что за место они называют, но сейчас главное — мы спасены от холода. А остальное... можно будет выяснить позже.

Малышу отчего-то не нравится качка, и он начинает плакать. Сначала тихо, потом всё громче. Этот звук разрывает мне сердце.

— Его нужно покормить, — мягко говорит Таша, глядя на меня выжидающе.

— Я... не могу, — качаю головой я. — Я не знаю, чей это ребёнок. Очнулась в лесу и... ничего не помню. Он был со мной.

— Бедная. — Таша прикрывает рот варежкой и смотрит на меня с жалостью.

— Но ведь это не значит, что он не твой? — возражает Мира, подгоняя крепкую лошадку. — Может, и твой, только ты не помнишь.

Прикусываю губу. Как объяснить то, чего сама не понимаю? Я была в городе и праздновала с семьёй? А потом оказалась здесь, будучи матерью? А, ну и дракона видела.

Кажется, мне пора бронировать путёвку в психушку.

— Послушай... — Таша придвигается ближе, её голос становится серьёзным. — ...мы далеко от жилья. До Соснового двора ещё несколько часов пути. Малыш и так замёрз. Без еды ему станет хуже, и он может просто не дожить.

Вот это заявление пугает меня не на шутку. Отвечаю резче, чем собиралась:

— Но... А что, если у меня нет молока?! Вдруг это не мой ребёнок!

— Попробуй, — настаивает Мира. — Что ты теряешь? Если молока нет, ничего страшного. Но если есть шанс спасти малыша...

В смысле, блин, ничего страшного?! Если молока нет, как довести его живого?!

Впрочем, они правы: не попробую — не узнаю. Грудь кажется непривычно тяжёлой... У меня никогда не было ребёнка, поэтому я только сейчас обращаю на это внимание.

Так, может...

Нет. Ну нет.

Бред!

Смотрю на личико ребёнка. Он уже не плачет, только тихонько всхлипывает, глядя на меня своими удивительными синими глазами. Что-то сжимается в груди от этого взгляда.

Нужно хотя бы попытаться.

— Я... не знаю как, — шепчу я растерянно. — Что мне делать?

Таша помогает устроиться удобнее, показывает, как правильно держать ребёнка. Руки дрожат, когда расстёгиваю верхнюю часть платья. Щёки горят от смущения, хотя Таша набра-

сывает на мои плечи ещё одно одеяло, да и обе девушки старательно делают вид, что заняты управлением телегой.

Малыш сразу находит грудь и жадно присасывается. И тут происходит невероятное. Я чувствую, как приходит молоко.

Тёплая волна накрывает с головой, по телу разливается удивительное ощущение покоя и правильности происходящего.

— У меня есть молоко, — выдыхаю я потрясённо. — Но как... это значит...

— Похоже, ребёнок всё же твой, — усмехается Мира.

— Точно, — мягко улыбается Таша. — У него ещё носик, как у тебя.

Как такое возможно? Я же... Ничего не понимаю. Если этот лес, волков я ещё могу списать на сон или бред, да даже дракона туда же к ним, но... ребёнок, молоко...

Так к чёрту. У меня есть молоко, значит этот милый малыш будет жить. Ответы буду искать по ходу дела.

— Вот и славно. — Мира шлёпает поводьями. — Устраивайтесь поудобнее и давайте выбираться из этого белого плена, пока погода добра к нам.

Я не в силах оторвать взгляд от крошечного личика. Ребёнок сосёт уже спокойнее, его реснички подрагивают. Похоже, засыпает.

— Мой, — шепчу я чуть слышно, касаясь пальцем его щёчки. — Ты, правда, мой...

Телега трогается, поскрипывая полозьями по снегу. Последнее, что помню перед тем, как провалиться в сон, — как Мира накрывает меня ещё одним одеялом, а Таша тихонько напевает какую-то незнакомую колыбельную...

Глава 4

Просыпаюсь от негромкого стука и скрипа — телега останавливается. В нос ударяет резкий запах сена и лошадей. Приподнимаюсь на локте, прижимая к себе спящего малыша, и оглядываюсь: мы в большом помещении, тускло освещённом несколькими фонарями. Конюшня. В полумраке различаю ряды стойл, где переминаются с ноги на ногу лошади. Их тёплое дыхание создаёт в воздухе причудливые облачка пара.

— Проснулась? — улыбается Мира. — Давай помогу спуститься. Осторожно, здесь скользко.

Ноги совсем затекли и плохо слушаются. Таша поддерживает меня с другой стороны, пока я неуклюже выбираюсь из телеги. Мимо проходят конюхи, бросая на нас любопытные взгляды, но никто не останавливается. Видимо, незнакомка с ребёнком не самое странное, что они видели.

— Сюда. — Таша ведёт меня к неприметной двери в углу конюшни. За ней оказывается узкий коридор, освещённый редкими масляными светильниками. Пол здесь деревянный, но доски местами прогнили и скрипят под ногами.

Проходим через какие-то служебные помещения — кладовые, забитые мешками и бочками, затем через прачечную, где в воздухе висит влажный пар и пахнет мылом. Несколько женщин склонились над большими чанами с бельём, на нас тоже не смотрят.

Наконец меня усаживают в маленькой комнатке, больше похожей на чулан. Здесь едва помещаются узкая скамья и столик. Но зато тепло — в углу потрескивает небольшая печка.

— Сейчас принесу поесть. — Мира исчезает за дверью.

А Таша помогает мне устроить малыша удобнее. Он так и не проснулся, только причмокивает во сне.

Вскоре на столе появляются миска с горячей похлёбкой, толстые ломти хлеба и кружка с травяным отваром. Запах еды напоминает, что я не ела уже... даже не помню сколько. Жадно глотаю горячий суп, пока девушки негромко переговариваются, поглядывая на малыша.

— Нужно рассказать хозяйке...

— А если она не захочет помочь?

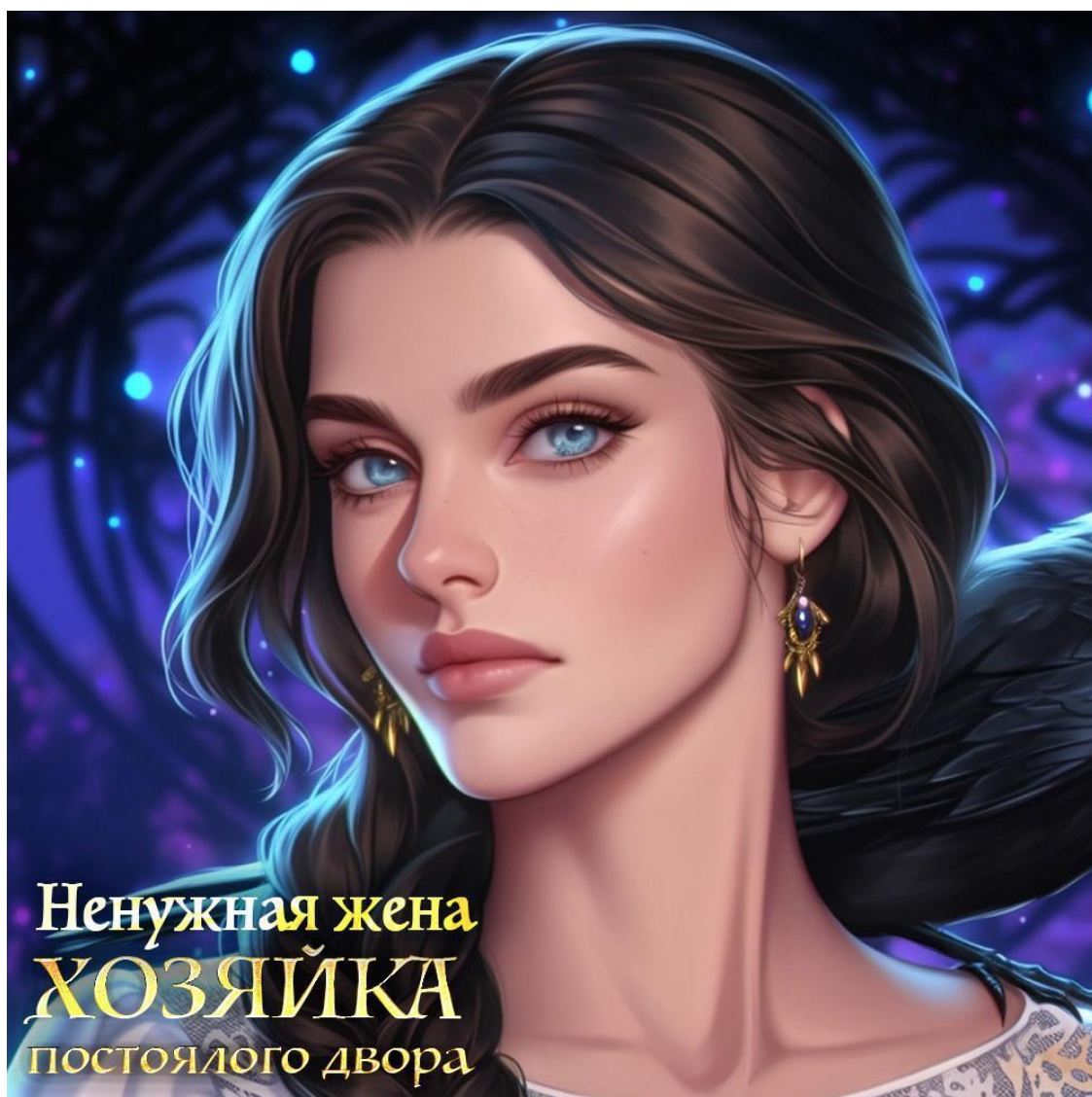
— Куда ж её с ребёнком на мороз?

— Может, к целительнице сразу?

— Нет, сначала пусть отогреется. Да и маленького переодеть надо.

— О чём спорим, девоньки? — Густой низкий голос заставляет меня вздрогнуть.

В дверном проёме возникает могучая фигура. Высокая женщина, широкая в плечах, с толстой русой косой, перекинутой на грудь. Она напоминает мне воительницу из древних легенд — не хватает только боевого топора в руках. Такая точно и коня остановит, и в избу горящую войдёт...

Лицо её такое же грубое, как и фигура. Немного напоминает статую в советском стиле, крупные рубленые черты, но при этом большие выразительные глаза серо-голубого цвета. Не могу наверняка определить её возраст, однако вижу, что она успела пожить и явно не молода.

Мира и Таша замолкают, переминаясь с ноги на ногу. Женщина окидывает меня внимательным взглядом, задерживается на младенце.

— Так-так... И кого вы мне притащили на этот раз, негодницы?

— Хозяйка Рильда, — начинает Мира, — мы нашли их в лесу. Она совсем замёрзла, и ребёнок...

— Вижу, — обрывает её Рильда. Подходит ближе, нависая надо мной, как скала. — Как звать-то тебя, девонька?

— Лена, — отвечаю я тихо, вжимаясь в стену.

— И откуда ты такая взялась посреди зимнего леса? С младенцем на руках? Преступница? Или бежишь от кого?

Сердце пропускает удар. Вот что на это отвечать?

— Я... не знаю, простите, — Я опускаю глаза. — Я очнулась в лесу с ребёнком, и всё. Потом волки, холод, снег; не знаю, как до дороги дошла, а там встретила Миру и Ташу. Девочки, спасибо вам...

— Гм... — Рильда задумчиво теребит кончик косы. — Ладно, расспросы подождут. Таша, готовь травяную ванну, пусть согрется как следует. Мира, тёплое молоко и мёд. И чистую одежду найди. А потом... — Она снова пронзает меня острым взглядом. — А потом поговорим.

Меня уводят вверх. Успеваю отметить, что двор ожидаемо представляет собой гостиницу. На первом этаже все хозяйственные помещения, кухня и большой зал, где есть барная стойка, столики и сцена для музыкантов. На втором — жилые комнаты, в одну из которых мы и направляемся.

Горячая вода обволакивает тело, и я не могу сдержать стон облегчения. Только сейчас понимаю, насколько замёрзла: кажется, холод пробрался до самых костей. Руки, которыми я цеплялась за ветки дерева, ноют немилосердно. Пальцы распухли и покраснели, каждое движение отдаётся острой болью.

— Давай малыша поддержи, пока ты греешься. — Таша протягивает руки. Но я инстинктивно прижимаю ребёнка крепче.

После осознания, что это действительно мой сын, мысль о разлуке с ним вызывает почти физическую боль.

— Лена, — мягко говорит Мира, присаживаясь рядом с деревянной лоханью. — Мы понимаем твой страх, но ты едва держишься. Позволь помочь. Искупаем малыша, согреем, переоденем. Он не первый тут такой, честно.

Слёзы наворачиваются на глаза — от усталости, боли в руках, от противоречивых чувств. Разум говорит, что девушкам можно доверять, но сердце сжимается от ужаса при мысли выпустить ребёнка из рук.

— Обещаете не уносить его далеко? — Мой голос дрожит.

— Вот прямо здесь, рядом с тобой, и искупаем, — кивает Таша, доставая деревянный тазик.

Наблюдаю, как они ловко и нежно обращаются с малышом. Он даже не плачет, только удивлённо таращит свои невероятные синие глаза, когда его опускают в тёплую воду. Мира что-то тихонько напевает, намыливая его мягкой губкой, а Таша держит его головку.

Позволяю себе откинуться назад и закрыть глаза. Вода пахнет травами — должно быть, целебными. Постепенно боль в руках отступает, сменяясь приятным теплом. Кто-то — кажется, Мира — осторожно моет мои волосы, массируя кожу головы. Я почти проваливаюсь в дрему. Даже и не вспомню, когда последний раз кто-то обо мне заботился вот так.

— Девочки, какие же вы чудесные... Спасибо вам.

— Да брось! — тихо смеётся Мира.

— Людям нужно помогать, — соглашается Таша. — Может, и нам кто-то однажды поможет. Драконьи боги ничего не забывают.

Значит, всё же драконьи? Куда я попала?

Потом меня кутают в толстые полотенца, помогают надеть платье из мягкой шерсти. Малыша тоже переодевают в чистые пелёнки. Он сыт и доволен, сразу засыпает у меня на руках.

— Хозяйка хотела поговорить, — напоминает Таша. — Сможешь спуститься? А то нам ещё прибраться надо.

Киваю — силы понемногу возвращаются после ванны.

— Я провожу её до кабинета и вернусь помочь, — вызывается Мира.

Мы спускаемся в холл и сворачиваем к кухне мимо барной стойки. Похоже, тут находится ещё и некое подобие кабинета. У двери я слышу голоса.

— ...светлые волосы, голубые глаза. Невысокая худенькая. Должна быть с ребёнком, но... может быть и одна, — говорит низкий мужской голос.

Замираю на месте. Сердце начинает колотиться как безумное.

— Как давно пропала ваша жена? — это звучит голос Рильды.

— Меньше суток. Следы ведут в лес, но там их замело снегом...

Чувствую, как подкашиваются ноги. Что-то в этом голосе... знакомое и пугающее одновременно. Вопрос в том — что?

Крепче прижимаю к себе спящего малыша и начинаю медленно пятиться назад. Не знаю почему, но я знаю, что, если покажусь этому мужчине на глаза, случится что-то ужасное.

В этот момент мой сын внезапно и без видимой причины начинает плакать.

Чёрт!

Глава 5

Крик ребёнка разрывает тишину, и я бросаюсь убежать. Прекрасно понимаю, что мужчина всё слышит. А что, если он ищет именно меня и МОЕГО ребёнка? На каком-то подсознательном уровне я понимаю, что это может быть правдой.

Я должна защитить его. Не отдала волкам, так с чего бы мне отдавать его какому-то мужику?

Сердце колотится где-то в горле, когда проскакиваю мимо опешившего мужчины, попавшегося мне в коридоре и проводившего меня возмущённым «Эй!».

Краем глаза замечаю, как распахивается дверь кабинета, но успеваю шмыгнуть за угол. Надеюсь, он меня не заметит, но из-за того, что малыш плачет, это не важно. Он точно поймёт, куда я убежала!

— Стой! Елена!

Его голос, низкий и властный, преследует меня по пятам. Сейчас я мало о чём думаю, но звук голоса мужчины кажется мне каким-то нечеловеческим. Есть в нём нотки, от которых внутри всё сжимается от ужаса. Будто я слышу не голос человека, а вой волков или рычание тигра, что-то подобное.

Малыш, ну как же так! Почему я не оставила тебя наверху? Впрочем, я знаю почему. Я бы с ума сошла от беспокойства за него.

Влетаю в общий зал. Несколько посетителей удивлённо поднимают головы от своих тарелок, но в основном всем на меня плевать.

Куда бежать? Куда?!

Малыш продолжает плакать, и этот звук словно раздирает мне душу. Прижимаю его крепче, шепчу:

— Тише, маленький... Ну почему именно сейчас? Тебя не пугали волки... что же делать?!

Но он, должно быть, чувствует мой страх.

— Елена! Немедленно остановись! — кричат за спиной.

И я бросаюсь через зал к другому коридору. Главное — не выбежать сейчас на улицу. Мы с ребёнком после ванной, такими темпами заболеем, и все усилия по нашему спасению пойдут прахом.

Тяжёлые шаги всё ближе. Кажется, он должен слышать не только плач ребёнка, но и грохот моего сердца.

Вываливаюсь в большой прохладный зал, заставленный ящиками и мешками. Склад какой-то? Я бросаюсь влево и вздрагиваю, когда руку простреливает острой болью — такое чувство, что на внутренней стороне предплечья ожог. Я держу сына, так что посмотреть, что с ней, не могу. А боль только усиливается!

Мечусь между проходами, натыкаясь на тупики, и пытаюсь придумать, где прятаться. В ушах стучит кровь, я уже не слышу даже шагов, а обернуться слишком страшно. Если он прямо за мной, я просто умру от страха.

Добегаю до противоположной стены и понимаю, что загнала себя в угол. Здесь только окно — большое, но закрытое тяжёлыми ставнями.

— Всё кончено, Елена, — говорит мужчина где-то совсем близко. В нём слышатся раздражение и что-то ещё... торжество? — Хватит этого безумия. Верни мне моего сына. Сейчас же!

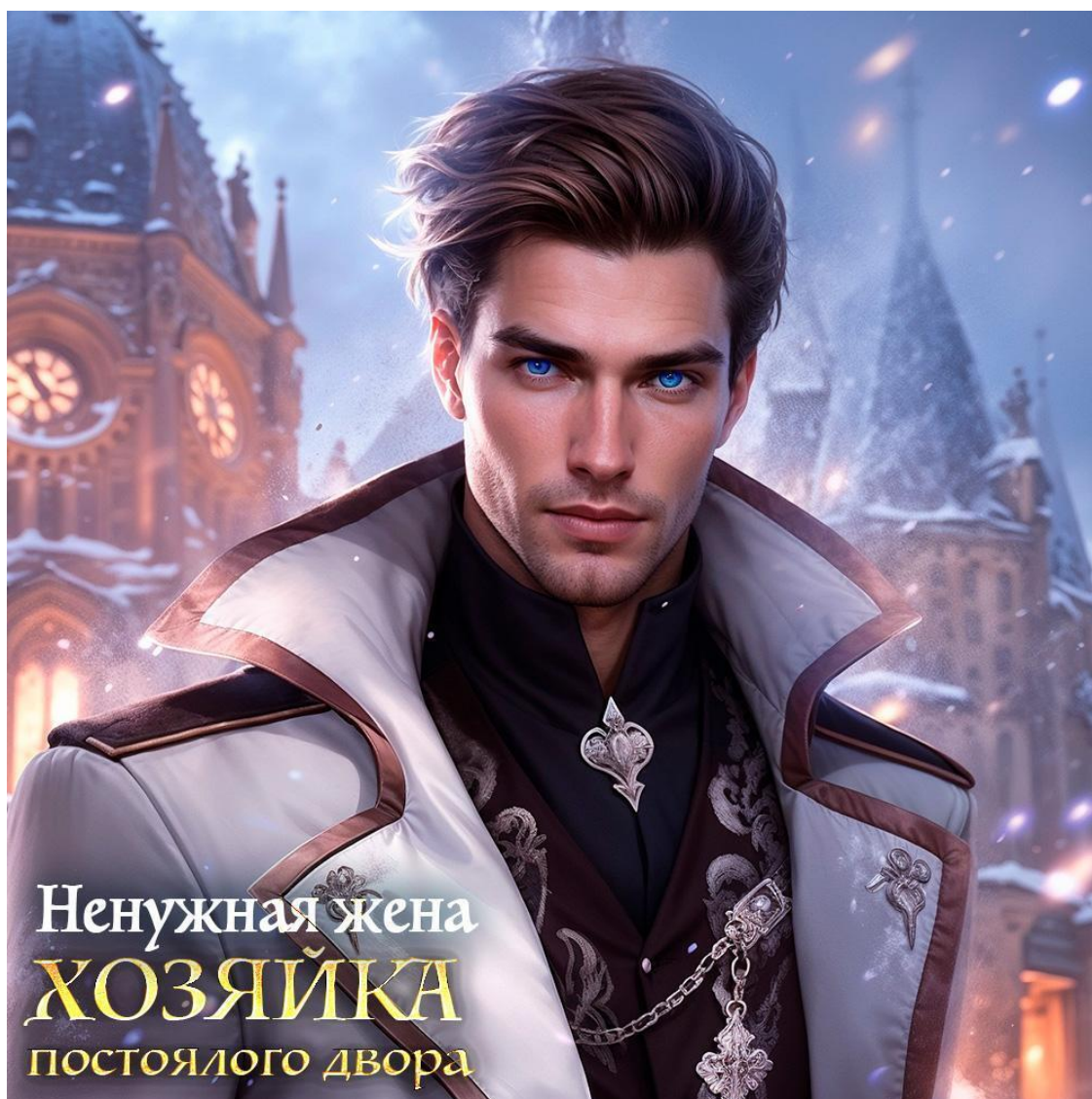
Приказ как удар плетью.

Может... мне и правда стоит отдать его? Что, если я каким-то образом оказалась воровкой и... Нет, это бред!

Я не отдам его. Ни за что. Как минимум пока не разберусь, что к чему и как я оказалась тут.

Ребёнок тихо хныкает на моих руках. Всё это время я нервно покачивала его, и, наверно, от тряски он немного успокаивается. Может, обойдётся?

Выглядываю из-за ящика и тут же вижу его. Всего секунда, но я успеваю в деталях разглядеть преследователя: высокий, широкоплечий, в светлом дорожном плаще, на плечах которого видны капельки растаявшего снега. Синие глаза горят опасным огнём. Такие же, как у моего малыша...

Сомнений не остаётся: этот тип как минимум принимал участие в его появлении. Выходит, он мне муж? Но... А как же Гена?

Впрочем, мой преследователь выглядит куда презентабельнее лысеющего мужика, пролёживающего портки на диване. Этот будто ходит в качалку пару раз в неделю как минимум. И, возможно, поэтому он так меня пугает. Есть что-то опасное в его движениях и повадках. Не могу объяснить.

Боль в руке становится невыносимой. Кажется, будто кто-то прижигает кожу раскалённым железом. А он всё приближается — методично, неотвратимо...

— Ты же знаешь, что так будет только хуже, — говорит лорд почти ласково, но от этого тона у меня мурашки бегут по спине. — Просто отдай мне ребёнка. И всё закончится.

Понимаю, что это конец. Сейчас он проверит ещё пару проходов и окажется прямо передо мной. Либо схватит меня прямо сейчас, либо...

— Лорд Деролон! Господин! — Громкий голос Рильды заставляет мужчину прервать поиски. — Куда вы так быстро? Обещали же рассказать подробнее о вашей пропавшей супруге. Пройдёмте в зал...

Её голос звучит непринуждённо, но в интонациях чувствуется сталь.

— Вы же тоже слышали детский плач, — усмехается он. — Похоже, моя дражайшая супруга уже нашлась. Премного благодарен.

— Боюсь, это не то, о чём вы подумали, — возражает хозяйка. — Скорее всего, вы слышали детей купца Морана. Уже третий день носятся по всему двору как угорелые. Вчера чуть котёл с похлёбкой не опрокинули...

— Я прекрасно знаю, что она здесь. — Голос лорда звучит обманчиво мягко, но от этих бархатных интонаций у меня по спине опять бегут мурашки.

Вжимаюсь глубже между ящиками, зажимая рот ладонью, чтобы не выдать себя случайным звуком.

— Господин Кристард. — В голосе Рильды неуверенность проскальзывает впервые с момента нашей встречи. — Я понимаю ваше беспокойство, но...

— Беспокойство? — Он негромко смеётся, и этот смех заставляет меня похолодеть. — О нет, дорогая. Я не беспокоюсь. Я абсолютно уверен. Видите ли...

Звук шагов — мужчина неспешно прохаживается по складу. Он приближается к моему укрытию, и «ожог» на руке начинает пульсировать, словно отзываясь на его присутствие.

Да что у меня там? Пока купалась, я на себя толком не смотрела, так что, даже если там что-то и было, не заметила: всё внимание было приковано к ребёнку. Но, кажется, там ничего не было...

— ...моя жена своеобразная. Порой она бывает... нерациональна. Особенно сейчас, после родов. Материнский инстинкт, знаете ли, может сыграть злую шутку. Ей опасно доверять ребёнка. Возьмите хотя бы ситуацию, в которой она оказалась. Убежать с грудным младенцем в лес к волкам? Вы бы назвали подобный поступок здравым?

Вот гад! Он меня чокнутой пытается выставить?!

— И всё же я не понимаю...

— Конечно, понимаете. — В его голосе появляются стальные нотки. — Вы ведь умная женщина, Рильда. И наверняка догадываетесь, что укрывательство беглянки — глупое решение, особенно учитывая моё положение при дворе.

Повисает тяжёлая пауза. Я едва дышу, прижимая к груди затихшего малыша.

— Чего вы хотите? — наконец спрашивает Рильда.

— Всего лишь вернуть домой свою семью. — Теперь его голос звучит почти печально. — Елена нездорова. Беременность, роды — всё это сильно повлияло на её рассудок. Она придумала себе какие-то страшные истории... Бедняжка даже выдумала, что я хочу причинить вред нашему сыну. Представляете?

Он снова смеётся — мягко, обезоруживающе. Профессиональный манипулятор! Каждое слово, интонация рассчитаны, чтобы вызвать нужную реакцию.

— Я всего лишь хочу помочь ей. Защитить от самой себя. Вы же не хотите, чтобы с молодой матерью и младенцем случилось что-то... непоправимое?

В его словах явственно слышится угроза, хоть и завуалированная заботой. Закусываю губу до крови, чтобы не закричать.

Нет, нет, он лжёт! Этот человек опасен. И он сделает со мной что-то ужасное...

И теперь мне особенно страшно. Рильде я никто. У неё нет причин рисковать своей репутацией и безопасностью и ссориться с этим психом.

— Я... понимаю вас, — осторожно отвечает хозяйка. — Давайте... пойдём ко мне в кабинет и всё обсудим. Если ваш сын и правда здесь, деться ему некуда, сами понимаете. Кругом лес, до ближайшего поселения путь неблизкий. Если она и правда здесь, мы её найдём.

— Конечно-конечно, — откликается он благосклонно. — Только помните, что время играет против нас. А я бы очень не хотел... привлекать королевские власти к деликатному семейному делу.

Шаги удаляются. Судя по звуку, мужчина направляется к выходу.

— Ах да! — Лорд будто точно понимает, на каком расстоянии я его услышу. — Если вдруг увидите мою дорогую супругу... передайте ей, что я всё равно найду её. Рано или поздно. Я знаю, что она прячет метку, которая выдаст её, где бы она ни затаилась.

Глава 6

Когда их шаги угасают, я опускаюсь на корточки и ещё некоторое время сижу тихо, машинально покачивая ребёнка. Нужно научиться заново дышать, потому как ЧТО ЭТО, ЧЁРТ ВОЗЬМИ, ТАКОЕ БЫЛО!

Так. Если это сон, то он затянулся. Меня зовут Лена Шмелева, я в здравом уме и трезвой памяти. И я совершенно точно не могла оказаться в этой ситуации каким-либо логичным способом. То, что происходит, абсолютно ненормально.

Смотрю на сына и нервно поправляю его одеялко. Единственная причина, по которой я до сих пор не попросила вызвать себе местную психушку, — этот ребёнок. Мой сын. Каким-то невероятным образом я проскочила этапы зачатия, беременности, ужасающее по числу слухов и страшилок событие — роды и переместилась к этому. Материнству, когда ребёнок уже более-менее окреп и держать его на руках становится не так страшно.

Я стала мамой, как и всегда хотела! Единственная проблема — этот гадкий мужик, что грозит забрать кроху.

Ладно, допустим... просто на секундочку представим, что я каким-то невероятным образом оказалась в другом месте. И по всей видимости, в другом теле, потому как моё точно не умеет производить молоко, поскольку ни разу не рожало.

Очевидно, что у всей ситуации должна быть какая-то предыстория, так? В этой истории я зачем-то рванула в лес с младенцем, понимая (я надеюсь) что это равноценно самоубийству. Или этот лорд Деролон прав, и я чокнутая?

Впрочем, как бы то ни было, теперь я в полном и абсолютном психическом порядке. Я же догадалась сбежать от этого маньяка. Кто знает, что он вычудить может.

Ладно, пора отсюда выбираться. Холодно, блин... Но прежде, чем сделать это, я перекалдываю сына на колени и осматриваю руку, которую так сильно жгло.

На предплечье над запястьем кожа покраснела, как будто я и правда обожглась чем-то. Не помню, чтобы со мной случалось что-то подобное. Я же в лесу была, а на обморожение это непохоже, да и замёрзли бы скорее пальцы.

Чокнутый маньяк сказал, что на мне есть метка, может об этом речь? Клеймо какое-то? Жуть...

Так, ладно. Надеюсь, когда я выберусь из этого лабиринта, лорд и Рильда не поджидают меня у входа. Интересно, чего она хочет? Явно же не за красивые глаза решила мне помочь. Чего взамен попросит?

Нужно бежать. Немедленно. Пока не влипла ещё больше, лорд не нашёл способ использовать проклятую метку, а хозяйка не набила вкусную цену за моё обнаружение.

Выход я и правда нахожу не сразу и трижды сворачиваю не туда. Наконец, поворачиваю успевшую покрыться инеем ручку и врываюсь в тепло, тут же вскрикнув от неожиданности, когда меня хватают за плечи.

— Лена!

Приглушённый заставляет меня ещё и подпрыгнуть, едва не выронив ребёнка.

— Тише, тише, это я! — Таша возникает словно из ниоткуда. — Пойдём скорее!

Бросаю взгляд на коридор, но, кажется, засады в лице лорда, грозившегося меня найти, нет.

— Я должна уйти. — Я отшатываюсь от неё. — Сейчас! Он... ищет моего ребёнка! Хочет...

Голос срывается на всхлип. Что именно хочет мужчина, я не знаю, но от одной мысли об этом к горлу подкатывает тошнота.

— Лена, послушай. — Таша осторожно касается моего плеча. — Сейчас ты никуда не пойдёшь. На улице метель, у тебя младенец на руках. Это верная смерть. Сейчас даже не уезжает никто, чтобы тебя попутчицей устроить. Подумай о сыне.

— Лучше уж так, чем... — Я запинаюсь, потому как сама понимаю, что у меня нет никаких доказательств грядущего кошмара. Кроме неясного страха из-за того, как звучит голос моего преследователя. — Чем то, что он сделает!

— Тише. — Она снова оглядывается. — Рильда задержит его. У нас есть безопасное место. Пойдём...

Я мотаю головой, но Таша уже тянет меня за руку. Ноги заплетаются, когда мы крадёмся по узкому коридору. Каждый шорох заставляет вздрагивать. Мне кажется, что вот-вот из-за угла появится высокая фигура в светлом плаще...

— Сюда. — Таша открывает неприметную дверь.

За ней небольшая комната, напоминающая гардеробную, а когда девушка раздвигает висящие на перекладине мешки и какое-то тряпье, я вижу, что они скрывают дальнюю часть комнаты.

— Давай сюда, — зовёт Таша, придерживая вещи, чтобы я могла войти. — Это наше секретное место. Специально на такой случай.

— И часто вам приходится прятать беглых женщин с детьми?

Таша зажигает маленький светильник, и я вижу небольшую комнату. В углу узкая кровать и столик, на полу — потрёпанная временем, но тёплая с виду шерстяная ковровая дорожка.

— Чаше, чем ты думаешь. — Она грустно пожимает плечами. — Раньше была возможность покинуть страну. Короткое окно в начале зимы, когда ветер разгоняет туман, но в прошлом году такого не было и... все остаются здесь, если не пытаются сбежать как-то ещё.

— Куда сбежать? — не понимаю я.

— За пределы Штормлара, разумеется, — усмехается Таша, будто я сморозила какую-то чушь. — Или ты и это забыла?

Мне очень хочется спросить, разыгрывает ли она, да и все остальные, меня, но решаю, что безопаснее будет промолчать.

— Дела, — качает головой Таша. — Сосновый двор — промежуточный пункт, с которого можно покинуть королевство. Ну, раньше можно было, а теперь туман и монстры — никто не решается в него сунуться. Ладно, располагайся. Я принесу одеял и попробую найти что-то, что сойдёт за люльку для твоего малыша. Самой тоже нужно отдыхать, да?

— Погоди, мне нельзя оставаться, — пытаюсь возразить я, качая заворочавшегося малыша. — Он может найти меня, и я не знаю, что тогда будет.

— Даже если решишь уехать утром... — Таша игнорирует мои протесты. — ...тебе же нужно дожидаться утра. Не бойся. Посетителям сюда нельзя. Придёт, увидит вещи и подумает, что это просто чулан.

Звучит не слишком убедительно. Я допускаю, что Таша хочет как лучше и, вероятно, искренне пытается помочь мне, но я не могу сказать того же про Рильду. А хозяйка всё же имеет больший вес в принятии решений и управлении двором...

— Хочешь чего-нибудь поесть? Я могу зайти на кухню.

— Н-нет, спасибо.

— Может, чай тогда? Тёплый. Ты же со склада, там холодно.

— Ну хорошо, — сдаюсь я. — Спасибо тебе.

— Не за что, — улыбается Таша.

А после мы обе вздрагиваем, когда дверь распахивается и в «чулан» кто-то врывается. Затихаем, но уже через мгновение звучит голос:

— Вы тут? — шипит Мира.

— Боги, ты нас напугала! — ругается Таша. Милое лицо девушки выглядит забавно, когда она злится.

Мира отодвигает вещи и проскальзывает к нам. Убедившись, что всё в порядке и ничего сверх принесённых ей новостей не случилось, она сглатывает.

— Беда. Этот дракон со свитой... У них задание какое-то в округе.

— И что?

Мы переглядываемся, не понимая, к чему она клонит. Я до кучи стараюсь не подавать виду, что слово «дракон» заставило моё сердце пропустить удар, а после больно сжаться.

— И то, что они собираются поселиться здесь! — вскидывает руки Мира. — Толпа мужиков во главе с Деролоном будут жить в «Сосновом дворе», а нам придётся не только разместить их, но и обслуживать.

Глава 7

Крохотная комнатка кажется одновременно и спасительным убежищем, и ловушкой. Мечусь по ней, как загнанный зверь, пока Таша и Мари пытаются меня успокоить. Руки затекли держать малыша, но я боюсь выпустить его даже на секунду.

— Лена, послушай. — Мари говорит тихо и рассудительно. — Сейчас ночь, метель вот-вот начнётся. Держать тебя, сама понимаешь, никто не станет, но уходить сейчас — безумие и самоубийство.

— Он найдёт меня! Я не знаю, точно ли мы ему нужны, но... От хороших мужей ведь не убегают? — Я мечусь из угла в угол. — Если я сбежала, значит была причина! Может, это он сделал что-то и я всё забыла!

— До утра ничего не случится. — Таша ставит на стол поднос с едой. — Рильда поселила его в другом конце двора. Ты даже случайно с ним не встретишься.

Мари приносит небольшую деревянную колыбель — простую, но добротную. Застилает её чистыми пелёнками.

— Положи малыша, тебе нужно отдохнуть.

Я колеблюсь. Сердце сжимается при мысли о том, чтобы расстаться с сыном хоть на миг. Но руки действительно дрожат от усталости...

— Нам нужно вернуться к работе, — вздыхает Таша. — тебе нужно ещё что-нибудь?

— Нет...

— Не бойся, он не сможет найти тебя здесь, — заверяет Мари. — Дай сыну поспать, и сама отдохни. Вам это нужно.

Они уходят, а я ещё некоторое время мечусь, будто зверь, пойманный в яму. Усталость берёт своё, и я, наконец, решаюсь опустить малыша в колыбель. Он причмокивает во сне, такой крохотный и беззащитный.

Осторожно укрываю его одеялом, не в силах оторвать взгляд от пушистых ресниц, прозрачной кожи, крошечных пальчиков...

Сажусь рядом с колыбелью. Здесь отчётливо слышны голоса внизу. Кто-то смеётся, звенят кружки... Обычная жизнь постоянного двора, но каждый звук заставляет меня вздрагивать. Я будто нарочно вслушиваюсь в шум, пытаюсь поймать в нём ЕГО голос.

Чтобы отвлечься, снова обращаю внимание на метку. Она теперь на виду, и я удивляюсь, как сразу не обратила на неё внимания. Царапаю кожу ногтями, но узор только ярче проступает, словно насмехаясь над моими попытками. От бессильной ярости на глаза наворачиваются слёзы.

Малыш просыпается и начинает хныкать. Склоняюсь над колыбелью, осторожно беру его на руки. Он такой тёплый, родной... Решаю покормить его ещё раз и, нервно глянув на дверь, прикладываю сына. Он охотно причмокивает и прикрывает глаза.

— Поесть ты не отказываешься, да? — улыбаюсь я.

Напеваю колыбельную — слова всплывают в памяти сами собой, хотя я не помню, где их слышала.

Время тянется медленно. В зале постепенно становится тише, музыка сперва сменяется спокойными мелодиями, а потом и вовсе замолкает. Видимо, гости расходятся по комнатам.

Глаза слипаются, но я боюсь заснуть. Что, если этот лорд найдёт нас? Что, если...

Сон накатывает незаметно. В нём я стою посреди какого-то роскошного зала. На мне богатое платье, волосы уложены в сложную причёску. Мари и Таша стоят передо мной, но они какие-то другие — неестественно прямые, с пустыми глазами.

Мы оказываемся посреди большого зала, похожего на актовый в какой-нибудь старой школе. Я на сцене, украшенной наполовину лопнувшими шариками, на полу валяются зави-

тушки мишуры, будто некоторое время назад тут была вечеринка, но никто не удосужился прибрать за собой.

— Принесите мне облепиховое варенье! — говорю я.

И они синхронно кланяются. Невесть откуда появляется розетка с золотисто-оранжевым угощением, которое Мира ставит на сцену, рядом с моими ногами.

— Теперь станцуйте, громко мяукая.

Они начинают кружиться в нелепом танце, выдавая истошные звуки.

— Встаньте на голову!

Девушки послушно выполняют и это...

— А теперь... — Я выдерживаю паузу и усмехаюсь. — Приведите ко мне Деролону и Гену! Пусть разбираются, чьи мы по итогу!

Просыпаюсь резко, с колотящимся сердцем. Что это было? Почему мне снится такой бред? Гена и этот маньяк? Я даже во сне должна была понимать, что Генка не жилец...

И почему от этого сна так тревожно на душе?

В колыбели мирно сопит малыш. Его дыхание — единственный звук в тишине подвала. Ложусь на узкую кровать, но сон не идёт. Верчусь с боку на бок, прислушиваясь к каждому шороху. Где-то там, наверху, находится человек, которого я боюсь больше смерти. И я даже не помню, почему...

Скрип двери заставляет меня подскочить. Во рту пересыхает от страха. Неужели он нашёл нас? В темноте различаю массивный силуэт, и на миг паника парализует всё тело.

— Тише, девочка. Это всего лишь я, — шепчет Рильда, проскальзывая в комнату. В неверном свете единственной свечи её лицо кажется осунувшимся и встревоженным.

Облегчение накатывает такой мощной волной, что начинают дрожать колени. Оседаю на кровать, пытаюсь унять бешеный стук сердца.

— Как ты? — Хозяйка присаживается рядом, и кровать заметно прогибается под её весом.

— Я... — Голос срывается, и приходится начать заново. — Я в ужасе. Он... не оставит вас в покое. Использует своё положение, власть... Вам придётся выдать меня, я понимаю. Я не могу подвергать вас такой опасности...

— Глупости, — фыркает Рильда, но её глаза остаются серьёзными. — Думаешь, я первый раз сталкиваюсь с подобными господами? Которые прикрывают тёмные делишки положением при дворе?

Она берёт мои ледяные руки в свои, тёплые и шершавые.

— Но ты права в одном: здесь оставаться нельзя. Он опасен. И гораздо опаснее, чем кажется на первый взгляд. Не бойся, у меня есть решение. — Рильда понижает голос до едва слышного шёпота. — Но действовать нужно немедленно.

— Прямо сейчас? — У меня перехватывает дыхание. — Но... куда?

— Объясню по дороге. Поторопись, пока твой лорд спит, убаюканный вином со специальной добавкой. К утру он проснётся с такой головной болью, что какое-то время будет не до поисков.

Хозяйка встаёт, деловито оглядывая комнату.

— Собирайся. Возьми только самое необходимое для ребёнка. И теплее укутайся: на улице метель.

Глава 8

Руки трясутся, пока я заворачиваю спящего малыша в одеяло. В голове вихрем проносятся мысли. Куда мы поедem? Что будет дальше? Как долго можно убегать от человека, который может выследить тебя по магической метке?

Но лучше об этом думать потом. Сейчас главное — уйти, пока есть такая возможность.

Рильда вышла, сославшись на ещё какое-то дело перед отправлением. Собрать мне особо нечего, так что я быстро оказываюсь наедине со своими мыслями, и в них врываются сомнения.

А что, если это ловушка? Вдруг хозяйка уже договорилась с Кристардом? Может, прямо сейчас она идёт в его комнату, чтобы разбудить?

Нет, это глупо. Она может затащить его сюда в любое время. Моё сопротивление вряд ли будет успешным.

Замираю посреди комнаты, прижимая к себе свёрток с сыном. В голове проносятся тысяча мыслей, одна страшнее другой. Кристард мог запугать её, подкупить, использовать магию — да что угодно! Эта женщина совершенно чужая, почему она должна рисковать всем ради нас?

Но даже если это западня — какой у меня выбор? Остаться здесь? Ждать, пока он найдёт способ использовать эту проклятую метку?

Машинально тру запястье, где под рукавом пульсирует светящийся узор.

Малыш во сне причмокивает губами, и это простое движение придаёт мне решимости.

Ладно. Я должна рискнуть. Ради него. Даже если шанс на спасение призрачный — это лучше, чем сидеть здесь и ждать неизбежного.

Осторожно проверяю, хорошо ли укутан малыш. Его тёплое дыхание щекошет мне шею, и на глаза наворачиваются слёзы. Каким же чудом он умудряется так спокойно спать посреди всего этого кошмара?

— Я защищу тебя, — шепчу я едва слышно, целуя пушистую макушку. — Что бы ни случилось, чего бы это ни стоило...

Последний раз оглядываю комнату, не забыла ли чего важного. Хотя что тут может быть важного... Всё моё сокровище сейчас у меня на руках.

Медлю у двери, прислушиваясь к звукам снаружи. Тихо.

Слишком? Или, наоборот, это хороший знак? Сердце колотится так громко, что, кажется, его стук должен разбудить весь постоянный двор.

— Будь что будет, — шепчу я самой себе и берусь за ручку двери. Если это ловушка — я хотя бы буду знать, что попыталась. Что не сдалась без борьбы.

Дверь открывается с едва слышным скрипом, от которого у меня всё внутри сжимается. Делаю шаг в темноту коридора, готовая в любой момент услышать его голос...

Но в зловещей тишине меня ждёт только Рильда. И, кажется, она действительно хочет помочь. По крайней мере, я очень на то надеюсь.

— Готова? Пойдём. И помни: ни звука. Если малыш заплачет...

Она не договаривает, но я понимаю — от нашей тишины зависят жизни. И не только наши.

Выходим во внутренний двор. Снег валит крупными хлопьями, замечая следы почти мгновенно. В другое время я бы залюбовалась этой сказочной картиной — мягким белым покрывалом на крышах построек, причудливыми сугробами вдоль стен, серебристым мерцанием снежинок в свете единственного фонаря... Но сейчас каждая тень кажется угрожающей, каждый порыв ветра заставляет вздрагивать.

Двор представляет собой правильный квадрат, окружённый хозяйственными постройками. Справа — длинный сарай для телег и саней, слева — поленница под навесом и какие-то бочки. Прямо перед нами темнеет приземистое здание конюшни. Запах сена и лошадей становится сильнее, когда мы приближаемся к широким воротам.

Внутри конюшни теплее, чем снаружи. В полумраке поблёскивают лошадиные глаза, слышатся мерное похрапывание и шорох соломы. Рильда зажигает маленький фонарь, и тени начинают плясать по стенам.

— Ты хоть верхом ездить умеешь? — шёпотом спрашивает она, вглядываясь в моё лицо.

Мотаю головой. Даже если и умела раньше — сейчас не помню. Да и с малышом я это проверять не хочу.

— Проклятье! — Рильда злится, но держит себя в руках. — На лошади было бы быстрее...

— Простите. — Я готова расплакаться от собственной беспомощности.

— Ладно, придётся запрягать сани. Время потеряем, но что поделать... — Она торопливо идёт вдоль стойл, что-то бормоча себе под нос.

Выбирает гнедую кобылу, которая приветственно всхрапывает, узнав хозяйку. Пока Рильда выводит лошадь и начинает запрягать её в сани, я стою, прижавшись к стене, и пытаюсь успокоить проснувшегося малыша. Он, словно чувствуя напряжение, начинает хныкать.

— Тише, маленький, тише, — шепчу я, покачивая его на руках. — Всё хорошо, всё будет нормально...

Должно быть, это моя нервозность его разбудила. Рильда работает быстро и тихо, но даже мне заметно, как нервно подрагивают её руки. Она то и дело поглядывает на двери конюшни, словно ожидая, что там вот-вот появится кто-то нежеланный. Или будто боится не успеть куда-то...

— Что-то случилось? — решаюсь спросить я. — Вы словно спешите...

— Когда за тобой гонится лариан, иначе не получится, — отрезает она, затягивая последний ремень. — Нам надо поторопиться. На рассвете он станет драконом и полетит осматривать территорию. К тому моменту мы должны быть уже далеко.

Дракон? Неужели то чудовище...

— Пошевеливайся, — рычит на меня Рильда. — Долго мечтать будешь? Садись уже!

— Куда мы поедem? — спрашиваю я, забираясь на сани.

— К границе, — охотно объясняет Рильда. — Сегодня точно будет окно, и мы сможем покинуть это место. То, что тебе и нужно, не так ли?

Глава 9

Сани скользят по снегу почти бесшумно. Только поскрипывают полозья, да фыркает иногда лошадь, разрезая грудью снежную пелену. Я то и дело оборачиваюсь назад, высматривая признаки погони. Каждый раз сердце замирает, когда ветер доносит какой-нибудь звук, но пока это всего лишь скрип деревьев или шорох падающего снега.

Лес вокруг похож на застывшую сказку. Высокие ели, укутанные в белые шубы, тянут к небу заснеженные лапы. В просветах между стволами клубится серебристый туман. Время от времени порыв ветра стряхивает снег с ветвей, и тогда кажется, будто в воздухе кружатся мириады звёзд. В другой ситуации я бы не могла оторвать взгляд от этой волшебной картины, но сейчас красота зимнего леса только усиливает тревогу: за каждым прекрасным сугробом может таиться опасность.

— Перестань оглядываться, — ворчит Рильда, ловко управляя сани. — Если он проснётся раньше времени, то первым делом проверит конюшню. А там пустое стойло моей Звёздочки всё объяснит. Погонится не за нами, а по большаку — в город.

— Но метка... — начинаю я, машинально потирая запястье.

— Да-да, я помню. Но ты же добралась как-то до моего двора, несмотря на неё? Значит, не всё так просто с этой магией.

В её голосе появляются какие-то особенные, почти родственные интонации. Словно мы старые знакомые.

— Я всегда знала, что этот лорд — редкостная сволочь, — продолжает она. — Поздно ты опомнилась, конечно, уже ребёнка завести успели. С ним сложнее будет скрыться, но, если перейдём границу, всё возможно. Лирианы не покидают королевства.

Я молчу, не зная, как реагировать. Она точно про меня? Получается, та, другая я планировала этот побег? Заранее договорилась с Рильдой?

— Правда, я ожидала тебя раньше. — Хозяйка хмурится. — И уж точно не думала, что ты заявишься вся в снегу, едва живая, с младенцем на руках. Что за блажь взбрела тебе в голову — убежать от дракона через зимний лес?

— Я... — начинаю я неуверенно, но осекаюсь.

Как объяснить, что я не та Елена, которую она знает? Что я вообще из другого мира. Поверит ли она? И, главное, стоит ли рисковать её доверием именно сейчас, когда оно так необходимо?

— Я плохо помню, что случилось, — наконец говорю я.

Технически это даже не ложь.

— Неудивительно. — Рильда качает головой. — Это опасный лес.

— Волков я видела, — киваю я, чувствуя, как под тёплую одежду забирается холодок.

— Они не самые страшные из тех, кто здесь встречается. Главное, что жива осталась. Мне твои деньги очень нужны были, а если б не пришла, не знаю, решилась бы я их использовать. Не по-людски как-то.

Значит, я, то есть Елена, заплатила ей... ситуация всё более странная.

Мысли путаются. Слишком много вопросов, и ни одного ответа. Кто я теперь — воровка, укравшая чужое тело? Или спасительница, подхватившая чью-то прерванную жизнь? И что делать с обрывками прошлого, которые теперь стали моими?

Проходит несколько часов, как мне кажется. Небо светлеет до цвета индиго, лес редет и внезапно обрывается. Перед нами открывается завораживающее и пугающее зрелище.

Внизу, насколько хватает глаз, простирается пелена молочно-белого тумана. Она возвышается, как исполинская крепостная стена, только верхний край её колышется и клубится,

словно живой. В предрассветных сумерках туман кажется почти материальным, плотным, осязаемым.

Воздух становится другим. Каждый вдох даётся с трудом, словно лёгкие наполняются ледяной крошкой. Холод пробирается под одежду, заставляя дрожать всё сильнее. Я чувствую, как немеют пальцы, даже несмотря на тёплые рукавицы. Это не обычный мороз: в нём есть что-то противоестественное, почти потустороннее.

Рильда направляет сани вниз по склону, прямо к пелене. Звёздочка всхрапывает, мотает головой, пытается остановиться, но хозяйка что-то успокаивающе шепчет ей и настойчиво понуждает двигаться дальше.

Страх ползёт по спине холодными щупальцами. Что будет, когда мы окажемся в этом тумане? Может ли обычный человек выжить в таком холоде? А младенец?..

Я в панике смотрю на свёрток в руках. Малыш, словно почувствовав моё состояние, открывает глаза. Его взгляд, обычно такой доверчивый и спокойный, наполняется страхом. Крошечное личико морщится, и через мгновение тишину разрывает громкий плач.

— Тише, маленький, тише, — шепчу я, прижимая его ближе и пытаюсь согреть своим теплом.

Но как я могу успокоить его, если сама едва сдерживаю дрожь? Этот туман — не просто природное явление? Вдруг мы замёрзнем насмерть, попытаюсь пересечь его? Образ маленького тела, скованного льдом, вспыхивает в сознании, заставляя меня содрогнуться.

— Рильда. — Мой голос дрожит. — Может, стоит поискать другой путь? Этот холод... он какой-то неправильный.

Сани неумолимо приближаются к стене тумана, и каждый метр даётся всё тяжелее. Дыхание превращается в колючий пар, ресницы покрываются инеем. Малыш продолжает плакать, и в его крике мне слышится не просто испуг или недовольство, а настоящий, первобытный страх.

— Проклятье! Ты же сама настояла на этом пути! — В голосе Рильды звенит плохо скрываемый страх. — Я предупреждала тебя о тумане! Говорила, что это безумие — пытаться пройти с младенцем. Но ты была так уверена! Твердила, что это единственный способ, что у тебя всё продумано...

Она дёргает поводья, заставляя лошадь остановиться. В наступившей тишине особенно отчётливо слышны плач ребёнка и свист ледяного ветра. До стены тумана остаётся не больше сотни шагов.

— А теперь что? Струсила? Думаешь, у нас есть выбор? Если вернёмся — Кристард убьёт нас обоих!

— Я не Елена! — Слова вырываются сами собой. Я хватаю её за руку, чувствуя, как по щекам катятся слёзы, мгновенно превращающиеся в льдинки. — Я не знаю, что она планировала! Не знаю, о чём вы договаривались! Я даже не знаю, кто я такая!

Рильда застывает, вглядываясь в моё лицо. В её глазах мелькает что-то, похожее на узнавание, сменяющееся ужасом понимания.

— Что ты несёшь? — шепчет она. — Как это не Елена?

— Я очнулась в лесу. С ребёнком на руках. Звучит как бред, но я... не из этого мира! Я жила там, где есть машины, самолёты, интернет! Никаких драконов и магии. У меня там даже ребёнка нет. Единственное сходство — имя. Там меня зовут Леной. Еленой. И всё. Простите, я должна была сказать раньше, но боялась... Ещё и дракон этот... В моём мире их нет!

Хозяйка отшатывается от меня, как от прокажённой. В полумраке её лицо кажется блее снега.

— Драконьи боги... — выдыхает она. — Так это правда. Попаданки появляются в Шторм-ларе...

— Пожалуйста. — Мой голос срывается. — Я знаю, звучит безумно. Но я правда не знаю, что делать! И как она собиралась преодолевать этот туман. Что нас ждёт за ним. Чёрт, почему здесь так холодно?

Малыш заходится в новом приступе плача, и этот звук, кажется, приводит Рильду в чувство. Она трёт лицо рукой, словно пытаясь стереть оцепенение.

— Бездна и пекло! — ругается она. — Это всё меняет. Елена... настоящая Елена знала, как пройти. Она не сказала мне, что придумала, но это что-то должно было защитить от холода. А ты...

Женщина беспомощно смотрит на клубящуюся стену тумана впереди, потом на плачущего ребёнка, снова на меня и напряжённо думает.

Глава 10

Рильда долго всматривается в стену тумана, беззвучно шевеля губами, словно что-то подсчитывая. Потом резко дёргает поводья, разворачивая сани.

— Раз ты не помнишь, как пройти этот кошмар и выжить, даже пытаться не станем, замёрзнем насмерть. — Её голос звучит глухо. — Придётся тебе искать другой способ сбежать от своего чокнутого мужа.

Сани скользят обратно к лесу, и я чувствую, как понемногу отступает тот противоестественный холод. Дышать становится легче, но тревога почему-то только нарастает.

У деревьев я оборачиваюсь и смотрю на белую стену, помешавшую нам пройти. Граница королевства значит? Елена хотела сбежать от мужа, и я её отчасти понимаю. Что же теперь делать?

Как не вовремя мы с ней местами поменялись! И как мне выпутываться? Я же ничегошеньки об этом мире не знаю!

Вдруг я краем глаза замечаю движение между деревьями, словно чья-то тень скользнула от ствола к стволу.

— Рильда, — шепчу я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Вы ничего не видели? Там, в лесу...

Она не отвечает, но я замечаю, как напрягаются её плечи и как побелели костяшки пальцев, сжимающих поводья. Звёздочка начинает беспокойно перебирать ногами, её уши прижаты к голове — верный признак страха.

— Что происходит? — Мой голос дрожит.

— Всем будет лучше, если тебе просто показалось, — сухо отвечает она.

— Но почему? В лесу опасность? Волки?

— Я же говорила уже. Волки безобидны в сравнении с тем, что прячется в этих лесах, — цедит Рильда сквозь зубы. — Тени должны двигаться в такое время. Солнце уже встало. Это потому, что день будет пасмурным?

От недосказанности становится ещё страшнее. Малыш в моих руках заходится в новом приступе плача, его крик эхом разносится по лесу.

Что такое? Мы же уже отъехали. Напугавшая его стена тумана давно осталась за деревьями!

Я пытаюсь укачать его, шепчу какие-то бессмысленные слова утешения, но он словно не слышит меня. В его плаче появляются новые нотки — не просто испуг или недовольство, а настоящий ужас.

Звёздочка вдруг встаёт на дыбы, громко заржав. Рильда едва успевает удержать поводья.

— Тише, милая, тише! — Её голос срывается. — Не сейчас, только не сейчас!

Лошадь трясёт головой, пытается развернуться, но хозяйка крепко держит поводья. Я снова замечаю движение среди деревьев — на этот раз с другой стороны. Тени словно окружают нас, смыкаясь всё теснее.

— Рильда. — Я с трудом справляюсь с подступающей паникой. — Что это за тени? Что нам делать?

Она не отвечает, полностью сосредоточенная на попытках успокоить лошадь. Но я вижу, как бегают её глаза, как женщина всматривается в пространство между деревьями. И этот взгляд пугает меня больше всего — похоже, даже она не знает, что делать.

Малыш продолжает плакать, его крик разрывает тишину леса. Каждый его всхлип словно притягивает тени ближе, они становятся более явными и... материальными? В какой-то момент мне кажется, что я различаю в них очертания фигур, но тут же зажимаюсь, не желая всматриваться. Почему-то я уверена: видеть их чётче не стоит. Совсем не стоит.

Всё происходит в мгновение. Звёздочка издаёт пронзительное ржание и рвётся вперёд с такой силой, что поводья выскальзывают из рук Рильды. Сани резко дёргаются, и я чувствую, как земля совершает кувырок. Инстинкт срывает быстрее мысли, в полёте разворачиваюсь так, чтобы принять удар на спину, прижимая к груди свёрток с ребёнком.

Падение выбивает из лёгких весь воздух. Острая боль пронзает плечо и бедро, но я едва замечаю её, все мысли только о малыше. Краем глаза вижу, как Рильду вместе с санями утаскивает в лес обезумевшая от страха лошадь.

Вскакиваю на ноги, проваливаясь в глубокий снег. Сердце колотится так, что больно рёбрам, но я заставляю себя бежать вперёд, следуя за глубокой бороздой, оставленной санями. Снег забивается в сапоги, цепляется за подол, каждый шаг даётся с трудом. Это чувство... оно до боли знакомо. Точно так же я бежала тогда, в свой первый день здесь, спотыкаясь, падая, поднимаясь снова.

Не смотреть по сторонам. Только вперёд. Я знаю: стоит повернуть голову, и я увижу их. Тени. Они здесь, совсем рядом, скользят между деревьями, приближаются... Нет! Не думать об этом!

Малыш затихает, и я на секунду останавливаюсь, охваченная паникой: «Всё ли с ним в порядке?» Откидываю край одеяла — его личико спокойно, дыхание ровное. Словно что-то убаюкало его... или кто-то? От этой мысли по спине бежит холодок, но я заставляю себя двигаться дальше.

И вдруг воздух сотрясает оглушительный рык — тот самый, который я уже слышала однажды. Он прокатывается над лесом подобно грому, заставляя дрожать землю. Кристард? Уже нашёл нас? Только этого мне для счастья не хватало!

В этот момент я понимаю: мы в ловушке. Впереди, где-то в лесу, пропала Рильда, позади остались те жуткие тени, а сверху... Я невольно поднимаю голову к затянутому тучами небу, ожидая увидеть темный силуэт крылатого чудовища.

Куда бежать? Что делать? Паника накатывает удушливой волной, но я не могу позволить себе поддаться ей. Не сейчас, когда от меня зависит жизнь этого крошечного существа в моих руках.

Ещё Рильду нельзя оставлять одну. Звёздочка, ну что же ты!

Снова рык — теперь ближе. Земля вздрагивает под ногами, с веток осыпается снег. Малыш, разбуженный этим звуком, начинает хныкать. Я прижимаю его крепче, шепчу что-то успокаивающее, хотя сама дрожу от страха.

Так, спокойно. В первую очередь нужно найти Рильду. Она оказалась в этом грёбаном лесу из-за меня. Из-за Элены, если быть точной и если я правильно понимаю, но раз она — это теперь я, значит мне отвечать за последствия.

Глянув на небо и не увидев там зловещей тени, я медленно выдыхаю и снова перехожу на бег, преследуя оставленную санями борозду и стараясь не думать о том, куда она может меня привести.

Глава 11

Продираюсь через снег, стараясь не сбиться со следа саней. В голове вихрем проносятся мысли — одна страшнее другой. До «Соснового двора» несколько часов пути, вокруг ни души...

Если с лошадью что-то случится, мы застрянем здесь. В лесу, где, кроме волков, прячутся жуткие тени, где над кронами летает это чудовище... Даже если удастся спрятаться — как долго мы продержимся на морозе?

Вдруг среди деревьев замечаю что-то тёмное. Сани! Они перевернуты и зажаты между двумя старыми соснами, полозья нелепо торчат в воздухе.

— Рильда! — кричу я, проваливаясь в особенно глубокий сугроб. — Рильда, вы в порядке?!

Спотыкаясь, бегу к саням. Обхожу дерево и... застываю как вкопанная.

Рильда лежит в снегу, неестественно вывернув голову. Её открытые глаза невидяще смотрят в серое небо, на губах застыла струйка крови.

— Нет... — шепчу я, пятась назад. — Нет-нет-нет...

Я просто застываю перед телом Рильды, не в силах отвести взгляд. Снег вокруг неё окрашен алым, и этот цвет кажется невозможно ярким на фоне серого зимнего дня. Тёмные волосы разметались по снегу, как чернильное пятно на белом листе. В застывших глазах отражается затянутое тучами небо — они словно стеклянные, неживые...

Сердце стучит где-то в горле, а температура вокруг будто падает градусов на двадцать вниз.

Это моя вина. Мысль вгрызается в сознание подобно ледяным клыкам.

Если бы я сразу сказала правду... Если бы призналась, что не помню ничего... Что я не та Елена, которую она знала... Рильда ни за что не поехала бы в этот грёбанный лес.

Горло стягивается в узел, к глазам подступают слёзы.

Рильда помогала мне. Приютила незнакомку с младенцем, накормила, согрела... А ведь могла просто выгнать и заставить Ташу и Миру меня прогнать. И вот чем я отплатила...

Боже мой... что теперь делать?

— Прости меня, — шепчу я, но слова кажутся такими пустыми, бессмысленными. — Прости...

Мне стоит титанических усилий отвести взгляд от безжизненных глаз женщины. Она такая сильная, как настоящая валькирия! Не побоялась возразить дракону, даже поехала к стене тумана, не зная толком, как её преодолеть, а тут...

Что случилось? Она будто... Да, похоже её ноги зацепились за что-то. Нас с малышом выбросило, а она не смогла освободиться. Возможно, её ударило об одно из деревьев...

Проклятье, от этого ничуть не легче! Даже страшнее, что эта трагедия — случайность...

Далёкое ржание Звёздочки заставляет вздрогнуть. Этот звук полон такого неприкрытого ужаса, что по спине бегут мурашки. А следом — тот жуткий визг и хруст...

Что там... О боже мой... Кажется, что звук очень и очень далёкий, но почему лошадь кричит так громко? Чёрт, я не хочу проверять почему.

Зажмуриваюсь, пытаюсь стереть из памяти эти звуки, но они словно выжжены в сознании.

Вот сейчас было бы супер, если бы всё это оказалось сном. Просто кошмаром. Закрывать глаза и просто проснуться! Да хоть лицом в салат!

Тошнота подкатывает к горлу. Я падаю на колени прямо в снег, одной рукой прижимая к себе малыша, другой — опираясь о ствол дерева. Меня трясёт от холода, от страха, от осознания случившегося.

Малыш начинает хныкать, и этот звук словно пробуждает меня от оцепенения. Его нужно согреть, защитить... Но как? Куда идти? Я даже не знаю, где мы находимся! А где-то рядом прячутся жуткие тени...

Чутьё подсказывает, что Звёздочку мне лучше не искать...

И что делать? Я же не могу оставить Рильду вот так?

Новый рык сотрясает воздух — ближе, чем раньше. Кристард приближается. Он найдёт нас?

Если честно, то пусть уже находит. Очевидно, что я облажалась по всем фронтам. Шутки кончились, пусть делает со мной всё, что хочет. Эта чудовищная случайность распахнула мне глаза. Я должна дать ему возможность найти меня. Пусть отец забирает ребёнка, хотя бы он должен спастись...

Но как дать этот сигнал?

Оглядываюсь по сторонам, пытаюсь собраться с мыслями. Надо что-то делать. Немедленно. Но сначала...

Дрожащими пальцами закрываю глаза Рильды. Это так мало, так ничтожно мало по сравнению с тем, что я ей должна. Но сейчас я могу сделать только это.

— Прощай, — шепчу я. — И прости меня... за всё.

Слёзы замерзают на щеках, превращаясь в крошечные льдинки. Нужно уходить, но тело едва двигается. Путь сюда отнял у меня много сил.

Неожиданно замечаю, что из кармана Рильды выглядывает странный предмет. Наклоняюсь ближе и понимаю, что это длинный кристалл необычного фиолетового цвета, который будто пульсирует едва заметным внутренним светом. Дрожащими пальцами достаю его — камень удивительно тёплый, несмотря на мороз.

— Может быть... — От внезапной мысли перехватывает дыхание. — Может, это что-то магическое? Какой-то защитный амулет?

В этом мире, где летают драконы и бродят тени, которые опаснее волков, всё возможно. Я верчу кристалл в руках, пытаюсь понять, как он работает. Внутри переливаются какие-то искры, словно крошечные звёзды плавают в фиолетовом тумане.

Малыш вдруг открывает глаза и замирает, заворожённо глядя на камень. Его крошечное личико озаряется любопытством — впервые за всё это время он не плачет и не хнычет.

— Смотри, какой красивый, — шепчу я, поднося кристалл ближе. — Как звёздочки внутри танцуют...

Малыш шевелится, явно пытаюсь протянуть ручки к камню, но мешает свёрток, его глаза широко раскрыты от восторга. В следующий миг кристалл начинает светиться ярче, пульсировать чаще. Тепло от него становится почти обжигающим.

Что происходит?

Паника накатывает новой волной, но отбросить камень я уже не успеваю.

Яркая вспышка слепит глаза. Мир вокруг начинает кружиться, размываться, словно акварельная картина под дождём. Чувствую, как земля уходит из-под ног, как всё моё тело словно растягивается в разные стороны. Крепче прижимаю к себе малыша и зажмуриваюсь.

Последнее, что я слышу перед тем, как реальность окончательно растворяется, — далёкий рык, видимо, дракона, который, кажется, находится в той же стороне, куда убежала Звёздочка, и детский смех.

Мой сын смеётся впервые с тех пор, как мы оказались в этом мире. А потом нас затягивает в воронку фиолетового света, и всё исчезает...

Глава 12. Кристард Деролон

Сквозь окно моей спальни пробивается серый рассвет. Я лежу, прикрыв глаза, и позволяю себе усмехнуться. Рильда думает, что может обвести меня вокруг пальца. Наивная. Я чувствую присутствие жены, словно тонкую шёлковую нить, связывающую нас. Сейчас слишком рано, поэтому упрекать постоянный двор в том, что он такой тихий, глупо. Меня нервирует тишина иного рода.

У меня нет ни одного рационального доказательства, будто что-то не так. Я дважды проверил барьер, который сам поставил вечером. Здесь абсолютно точно спокойно и безопасно, но... что-то всё равно не даёт мне покоя.

Элена всегда была взбалмошной, дерзкой, с языком острым, как лезвие меча. И всё же я не думал, что она позволит нашему сыну пострадать. До того момента, пока она не сбежала из экипажа и не рванула в лес. О чём думала?

Ладно, пусть играет. Пока наш сын в безопасности, я могу позволить себе эту маленькую забаву. Наблюдать, как она пытается что-то скрыть от меня, довольно... интересно. Я дракон, охота у меня в крови. А эта игра в кошки-мышки только разжигает мой интерес.

Стоило бы прямо сейчас перевернуть двор, отнять сына и наказать бестолковую гадину. Но если я сделаю это, она точно ничему не научится. Могу придушить её, но жаль сил и ресурсов, вложенных в эту дурёху. Пока ребёнок в тепле, за него можно не беспокоиться. В конце концов, он мой сын, а значит, выносливее прочих младенцев, да и я рядом. Если что, вмешаюсь. И всё же...

Нет, раз эта дрянь хочет поиграть со мной, нужно повысить градус её волнения. Найду и дам понять, что она не так хорошо прячется, как ей кажется.

Распахиваю дверь и застываю. На косяке — древние печати, их замысловатые узоры словно насмеваются надо мной. Руны блокировки? Серьёзно? Похоже, моя жёнушка решила промыть мозги некоторым присутствующим, пользуясь МОЕЙ же силой. А печати повесила, чтобы я не понял. Кто-то очень хорошо подготовился. Рильда? Но откуда у неё такие знания?

Ярость вспыхивает внутри, как пламя. Я срываюсь с места, пролетаю по коридорам, не обращая внимания на то, разбужу ли кого-нибудь. Наивная маленькая дурочка. Ты горько пожалеешь, когда я накажу тебя за это. Сперва я собирался сделать рядом со спящей Эленой что-то, что показало бы ей: я ближе, чем она думает, но теперь она меня разозлила.

Выхожу на улицу в одной рубашке и брюках. Предрассветный воздух кусает кожу, но не замечаю этого. Закрываю глаза, пытаюсь уловить хоть проблеск той связи, что всегда была со мной.

— Лорд Деролон! Кристард! — звучит голос своего помощника, Рама, выбежавшего на улицу вслед за мной. — Что случи...

Не трачу время на пустые разговоры.

— Поднимай отряд, и двигайте за мной.

Сила напитывает мышцы, возвращая их к истинной природе. Кожу сменяет чешуя. Крылья расправляются и ловят ветер. Превращение занимает считанные секунды: годы практики не прошли даром. Мне едва хватает места здесь.

Взмах крыльев — и я уже в воздухе. В драконьем облике чувства обостряются, и я лучше ощущаю направление, в котором скрылась Элена. Нет, ну она точно сегодня не жилец. Решила угробить и себя, и моего сына? Не позволю!

Удар крыльями поднимает настоящую метель. Я не знаю, успел Рам вернуться в здание двора или вынужден сейчас бороться со снежным вихрем. Мир подо мной сжимается, становится крохотным и уязвимым.

Рассекаю крыльями морозный воздух, устремляясь к границе королевства. Елена и мой сын где-то впереди, и от одной мысли, что они приближаются к туману, кровь стынет в жилах.

Я видел, что делает эта проклятая мгла с живыми существами: превращает их в ледяные статуи, навечно застывшие в последнем мгновении агонии.

Внезапно что-то меняется. Сани двигались по дороге к туману, но, не дохожу до края леса, чутьё тянет меня в сторону. Странно.

Что заставило их свернуть? Звери? Тени не должны высовываться, впрочем, мы слишком близко к границе, их поведение непредсказуемо.

Снижаюсь, вглядываясь в просветы между деревьями, и тут же замечаю поляну. То, что я вижу, заставляет моё сердце пропустить удар.

Ледяные твари — не меньше пяти — окружили упавшую лошадь. Их полупрозрачные тела отбрасывают жуткие блики в утреннем свете. Учítывая, что на многие километры вокруг ни души, нетрудно догадаться, что она везла Элену и нашего сына. Ярость мигом напитывает вены огнём.

Приземляюсь прямо в центр поляны, вздымая снежный вихрь. Не теряя ни секунды, атакую ближайшего монстра. Когти впиваются в ледяную плоть. Та трескается, подобно карамельной корочке, но тварь не спешит падать.

Уворачиваюсь от удара ледяного хлыста, который у человекоподобных тварей вместо хвоста, выдыхаю струю пламени, плавя одного из нападающих. Второй пытается зайти сзади. Мой хвост сбивает его с ног, а затем я обрушиваю всю тяжесть своего тела, превращая монстра в ледяную крошку.

Остальные твари отступают, но недалеко. Они кружат вокруг меня, выжидая момент. Я же чувствую, как во мне нарастает жар — магия просится наружу. Позволяю ей вырваться. Волна раскалённого воздуха расходится от меня во все стороны, превращая оставшихся противников в лужи талой воды.

Меняю облик, тяжело дыша. Победа далась легко, но от этого не легче. Медленно подхожу к лошади, уже зная, что увижу. Благородное животное лежит неподвижно, тело покрыто инеем там, где его коснулись монстры. Шкура местами порвана, под ней бугрятся неравномерно замёрзшая в теле кровь и прочие жидкости. Болезненная смерть. Животное будто разорвало изнутри, когда его коснулись твари. Лучше бы волки задрали, те хотя бы убивают сразу.

Отворачиваюсь от растерзанного тела и осматриваю молчаливые деревья.

Ну и где теперь Елена? И главное — где наш сын?

Свежий снег хорошо хранит следы. Отпечатки копыт ведут меня вглубь леса, и с каждым шагом моё беспокойство растёт. Что-то здесь не так: слишком много хаотичных следов, словно лошадь металась в панике. Похоже, монстры напали на неё здесь.

За поворотом тропы я замираю. Сани. Перевернутые, наполовину занесённые снегом. Рильда лежит, неестественно вывернув шею, её глаза широко распахнуты, но уже не видят ничего в этом мире. Подхожу ближе, осматривая тело. След на снегу говорит сам за себя: её протащило по склону, когда сани опрокинулись.

Внимательно изучаю следы вокруг. Вот они, отпечатки маленьких сапог Элены на снегу. Она была здесь совсем недавно, и, судя по следам, она выпала раньше и, похоже, не ранена. Но почему я не чувствую ни её, ни ребёнка?

Присаживаюсь на корточки, провожу рукой над снегом. Остаточная магия? У неё был камень перемещения? Или скорее...

Смотрю на тело Рильды. До меня доходили слухи, что эта женщина раньше помогала перебраться за пределы королевства, когда туман ещё не был таким плотным. Очевидно, назад она возвращалась не тем же путём, иначе её бы давно поймали.

Выпрямляюсь, сжимая кулаки. Ярость и бессилие затопляют меня. Она ускользнула прямо из-под носа. И забрала моего сына. Куда? Зачем?

— Хитро придумано, дорогая, — шепчу я в морозный воздух. — Но ты забываешь, с кем имеешь дело.

Бросаю последний взгляд на тело Рильды. Потом разберусь, кто отправит за ней стражу. Сейчас у меня есть дела поважнее. Где-то там, за порталом, моя жена играет в очень опасную игру. И я намерен положить этому конец.

Глава 13

С титаническим усилием моё сознание вырывается из темноты беспамятства. Медленно открываю глаза, и первое, что ощущаю, — колкие стебли сена подо мной. Запах лошадей и сухой травы наполняет воздух. Где я?

Приподнимаюсь на локтях, и голова тут же отзывается тупой болью. Малыш у меня под боком, завёрнутый в тёплое одеяло, и мирно посапывает. А рядом с ним... огромный белый кот, размером с небольшую собаку, внимательно смотрит на меня янтарными глазами.

Воспоминания обрушиваются ледяной лавиной: погоня, тени в лесу, перевёрнутые сани и... О боже! Рильда! Её безжизненное тело на снегу, неестественно вывернутая шея... К горлу подкатывает тошнота, сердце начинает бешено колотиться.

— Успокойтесь, — неожиданно произносит кот спокойным, чуть насмешливым голосом. — Паника — последнее, что сейчас нужно вам и ребёнку.

В первую секунду я не понимаю, что происходит. Нервно оглядываюсь, чтобы увидеть говорившего, но рядом никого. Но мне же не показалось?

— Не показалось. — Кот будто усмехается и довольно жмурится, глядя на меня. — Это я. Я застываю с открытым ртом. Говорящий кот? Это что, последствия удара головой? Впрочем, после драконов в небе, белого тумана, который, кажется, может заморозить заживо, и того, что у меня, чёрт побери, есть сын, говорящий кот — не сказать, что очень шокирующая новость.

— Кто... ты такой? — Мой голос дрожит.

— Друг, — просто отвечает он, потягиваясь. — И тот, кто знает о вас больше, чем вы думаете. Включая вашу... особую ситуацию.

Это он про лорда?

— Где мы? — спрашиваю я, пытаюсь собраться с мыслями.

— В конюшне «Соснового двора». — Кот укладывается поудобнее рядом с ребёнком. — Каким-то чудом портал привёл нас именно сюда. Меня зовут Винтер.

— Приятно познакомиться, — растерянно киваю я. — А я Лена. В смысле Элена...

— Не утруждайтесь. Я уже понял, что вы не из нашего мира.

— Но... как?

— Мы с вами говорим. И это явно не ваши магические возможности. Даже с учётом метки. К тому же вы... ведёте себя необычно, скажем так.

Я поднимаюсь на ноги.

— Мне нужно найти Ташу и Миру, — объявляю я, прижимая сына, с которым, кажется, всё в порядке. — Рассказать им про Рильду. Она... её больше нет. Она хотела помочь мне, вернее, Элене сбежать, но... несчастный случай. Нужно рассказать им. И про то, что случилось, и про то, что я не из этого мира...

— Стоп. — Кот поднимает лапу, будто в останавливающем жесте. — Подумайте хорошенько. Никто не должен знать о деятельности Рильды.

— О чём вы, Винтер? — Моя бровь взлетает вверх. Я с котом сейчас спорить буду? — Она же лежит там, в лесу...

— Дракон со стражами отправились за вами. Лучшее, что вы сейчас можете сделать, — не усугублять её и без того печальное положение.

Я уже собиралась спорить, но слова застревают в горле.

— К тому же дракон обязательно найдёт её следы, а затем и её саму. Если я правильно понимаю ситуацию, будет лучше, чтобы он не нашёл вас.

Для кота Винтер пугающе спокойно рассуждает о том, как следует вести себя в подобной ситуации. Если мы в «Сосновом дворе», то Рильда должна была быть его хозяйкой. Вроде как.

И он вообще не беспокоится о том, что с ней случилось? Или Рильда была не слишком хорошей хозяйкой?

— Рильда помогала таким, как вы, убегать от мужей-тиранов, — поясняет Винтер. — Если об этом узнают, возникнут ненужные вопросы и подвергнутся опасности те, кому она помогла раньше.

Я медленно опускаюсь обратно в сено. Отчасти он прав. Но как жить дальше с этим знанием? С этой виной?

— И что теперь? Просто молчать?

— Рильда знала, на что идёт, — отвечает кот. — Она сделала свой выбор. Сохранить в тайне то, чему она посвятила жизнь. А пока вам нужно вернуться в комнату. — Кот грациозно поднимается и выгибает спину, потягиваясь. — Ту, где вы должны были укрыться изначально. Пока лорд не вернулся.

Киваю, прижимая к себе спящего малыша. Спросила бы, откуда кот столько знает, но решаю, что это подождёт, тем более что мне и правда лучше найти укрытие. Малыша нужно будет покормить и переодеть, а это лучше сделать в каком-нибудь укромном месте. Точно не в конюшне.

Вслед за котом я выхожу на задний двор. Крадёмся, будто воры. Утренний воздух пощипывает щёки, пахнет свежим хлебом, наверняка уже готовят завтрак для постояльцев.

Прижимаю к себе спящего малыша, и мы осторожно пробираемся вдоль стены конюшни, когда слышим испуганный детский крик со стороны, как я понимаю, зернохранилища.

— Помогите! Кто-нибудь!

Сердце подскакивает к горлу.

— Даже не думайте, — предупреждающе шипит кот.

Но я уже не слушаю и толкаю дверь.

В углу, прижавшись к стене, сидит мальчик лет десяти. Его нога застряла между досками пола — видимо, одна из них прогнила и проломилась.

— Тише. Я помогу, не кричи. Как тебя зовут? — спрашиваю я, присаживаясь рядом.

— П-петер, — всхлипывает он. — Сломана, да?

— Кто?

— Нога!

— Не думаю. Иначе тебе было бы очень-очень больно. Сейчас мы тебя вытащим. — Я осматриваю доски. — Только нужно действовать очень осторожно.

Мне удаётся расшатать прогнившую доску одной рукой, удерживая своего ребёнка, и нога мальчика освобождается. К счастью, он лишь слегка испачкал штаны и поцарапался.

— Спасибо! — Петер бросается мне на шею. — Вы как волшебница из сказки появились!

— Просто оказалась рядом, — улыбаюсь я, помогая ему встать.

— Петер! — доносится снаружи встревоженный женский голос. — Где ты, негодник?

— Беги. — Я подталкиваю мальчика к выходу. — И будь осторожнее, такие места не подходят для игр.

Он убегает, прихрамывая, а я возвращаюсь к коту, который ждёт меня с недовольным видом.

— Вы не смогли удержаться, да? — ворчит он.

— Не смогла, — соглашаюсь я. — И знаешь что? Я рада этому.

— Хм... — Кот задумчиво виляет хвостом. — Похоже, затеряться в тених будет сложно. Будем надеяться, эта выходка никак вам не аукнется.

Я хмурюсь, недоумённо рассматривая покачивающийся белый хвост, когда кот продолжает шествие в сторону основного здания.

Как помощь попавшему в беду ребёнку может мне аукнуться?

Глава 14

Кот доводит меня до комнаты и трусит хвостом в обратную сторону. Мне, конечно, интересно, куда он потопал и вернётся ли, поскольку хотя бы один друг, знакомый с миром и готовый помочь мне освоиться, точно пригодится. В то же время я понимаю, что сейчас не готова усваивать новую информацию. Мне бы эту пережить...

Комната встречает меня полумраком и прохладой. Опускаюсь на кровать, прижимая к груди проснувшегося и захныкавшего малыша. Сквозь щели в ставнях пробиваются тонкие лучи утреннего солнца, рисуя на полу причудливые узоры. В другое время я бы залюбовалась этой игрой света и тени, но сейчас мысли путаются от усталости и тревоги.

Пока кормлю сына, разглядываю оставленные Ташей и Мирой чистые пелёнки, аккуратно сложенные на краю кровати. От этой простой заботы щемит сердце: они даже не знают меня, но уже помогают. Малыш нуждается в купании, но вода в кувшине давно остыла. Я не решаюсь использовать её — новорождённому нужно тепло, а не эти ледяные капли.

Паника подкрадывается незаметно, сжимает горло. Что мне делать? Как справиться со всем этим одной? Я даже не знаю, правильно ли держу ребёнка! Когда Машкины дети были маленькими, меня к ним почти не подпускали, боялись, что я их уроню, прокляну из зависти или ещё что.

Мамочки... жизнь научила меня стольким вещам, но главного я так и не узнала. А ещё сама детей хотела!

Скрип двери заставляет меня вздрогнуть, но это всего лишь Мира с подносом. От запаха свежего хлеба и травяного чая желудок предательски урчит. Последний раз я ела вчера.

— Вот, подкрепись, — улыбается она, расставляя тарелки на столике. — Сейчас пришлю горячей воды для малыша.

Не успеваю поблагодарить, как девушка уже исчезает, но вскоре возвращается с дымящимся кувшином. Её лицо непривычно серьёзно.

— Сегодня вам с малышом лучше остаться здесь, — говорит она, понизив голос. — Там такое творится... Солдаты снялись ни свет ни заря, умчались к границе. А Рильды нигде нет, будто сквозь землю провалилась! Постояльцы беснуются, требуют хозяйку...

Её слова отдаются болью в груди. Я знаю, где Рильда. Вижу перед глазами её пустой стеклянный взгляд. Винтер говорит, она понимала, на что идёт, но я не верю, что эта храбрая женщина всерьёз готовилась умереть. Комок подкатывает к горлу, однако я молчу. Не могу рассказать правду. Не только потому, что кот просил помалкивать.

— Но ничего. Уверена, она скоро вернётся. — В голосе Миры надежда.

И от этого ещё больнее.

— Может быть, — шепчу я и наклоняюсь к ребёнку так, чтобы волосы скрыли выступившие в уголках глаз слёзы.

— Я пойду. Нужно попытаться навести порядок...

Когда дверь за ней закрывается, я прижимаю сына крепче, вдыхая его сладкий младенческий запах. Где-то внизу слышны раздражённые голоса постояльцев, звон посуды, чья-то ругань. А я сижу здесь, в безопасности, которую купила своим молчанием и чужой жертвой.

Маленькие пальчики сына хватают прядь моих волос, и я невольно улыбаюсь сквозь слёзы. Ради него. Всё это для него. Но легче от этого не становится.

За окном начинается новый день, и я не знаю, что он принесёт. Знаю только, что должна быть сильной, выжить. Сохранить эту тайну, какой бы горькой она ни была.

Пока малыш завтракает, сама тоже медленно жую принесённый Мирой хлеб, но вкуса почти не чувствую. Мысли крутятся вокруг одного — я не могу просто сидеть здесь и ждать.

Если Кристард вернётся... По спине пробегает холодок. Нет, нужно действовать, пока есть возможность.

Закончив завтрак, бережно меняю малышу пелёнки, стараясь двигаться уверенно, хотя сердце колотится как безумное. Каждое прикосновение к этому крошечному тельцу напоминает: я в ответе за две жизни теперь.

— Мы справимся, — шепчу я, заворачивая его в чистую пелёнку. — Обязательно.

Спускаясь по лестнице, крепче прижимаю к себе свёрток с ребёнком. Звуки снизу доносятся всё отчётливее — крики, ругань, звон посуды. Когда вхожу в общий зал, на миг застываю от удивления: настоящий хаос. Люди толпятся у стойки, размахивают руками, кто-то требует вернуть деньги, другие пытаются протиснуться с вещами.

Бедная Таша мечется между ними, как перепуганная птица. Её тёмные волосы растрепались, на щеках пятна румянца, в глазах — паника. Она пытается что-то записывать в толстую книгу, но руки дрожат. Я отсюда вижу, как она портит записи большими кляксами.

Мой первоначальный план — найти попутчиков среди уезжающих — рассыпается, как карточный домик. В такой суматохе невозможно даже понять, кто куда едет. И брать попутчицу с маленьким ребёнком эти люди явно не настроены.

Нужно как-то успокоить всех... Но как? Рильда бы наверняка смогла...

Что-то внутри меня вдруг щёлкает. Может, это инстинкт самосохранения, а может, просто здравый смысл, но я понимаю: нужно навести порядок, особенно понимая, что помощи ждать неоткуда. Когда вернётся Кристард, станет только хуже.

— А ну тихо! — Мой голос, неожиданно твёрдый и звонкий, пререзает гомон.

Люди затихают, удивлённо оборачиваются. Таша и другие присутствующие за стойкой люди, очевидно работающие здесь, замирают, глядя на меня со смесью удивления и непонимания.

— Сейчас все разделимся на четыре группы!

Сама поражаюсь своей смелости, но останавливаться нельзя. Обхожу стойку, становлюсь рядом с растерянной Ташей.

— Те, кто выезжает, вставайте справа. Кто заселяется — те слева от них. Кому нужны еда и напитки — на другую сторону стойки! Все остальные вопросы ко мне, сюда.

В первую секунду мне кажется, что сейчас меня просто вышвырнут за шкирку, но потом люди берут и... подчиняются.

Может, дело в командных нотках моего голоса? А может, просто все устали от хаоса, но толпа начинает распадаться на группы. В зале становится тише.

— Таша, — говорю я тихо, — займись теми, кто выезжает. Просто записывай комнаты и возвращай залогов. Мира! — Я замечаю её в дверях кухни. — Принимай заказы на еду. По очереди, не больше трёх блюд на человека.

Краем глаза замечаю, как некоторые посетители с интересом поглядывают на меня. Наверное, странно смотрюсь: молодая женщина с младенцем на руках, раздающая указания. Но сейчас не время думать об этом.

Порядок постепенно восстанавливается. Очереди двигаются, Таша понемногу приходит в себя, даже начинает улыбаться. А я стою за стойкой, решаю вопросы один за другим. Ничего особенного не требуется: кто-то просит дополнительное одеяло, другие хотят заказать уборку номера, у кого-то не работает замок на двери, и его нужно починить. Я записываю все пожелания и обещаю разобраться с ними после того, как мы наведём здесь порядок. Похоже, я звучу достаточно убедительно, чтобы поверить мне на слово, что все вопросы будут решены. А может, способствует то, что у меня на руках ребёнок.

Внутри растёт странное чувство... уверенности? Или это просто адреналин?

Малыш мирно сопит, и я думаю: «Может, знак? Может, иногда нужно просто взять и сделать то, что должно быть сделано, даже если страшно?»

Но главное решение всё ещё впереди. Мне всё ещё нужно найти способ выбраться отсюда. И теперь, когда в зале воцарился относительный порядок, возможно, это станет немного проще.

Глава 15

Солнце достигает верхней точки, когда я понимаю, как долго провела внизу. Время пролетело незаметно в этой суматохе, когда разбирала проблемы постояльцев и направляла людей. Изначальный план наблюдать за отъезжающими и найти попутчиков куда-то растворился в череде неотложных дел.

Прислонившись к стойке, перебираю в голове варианты.

Мне всё ещё нужно бежать... Но куда? С маленьким ребёнком на руках далеко не уйдёшь. К тому же уже очевидно, что я не в своём городе. Не в своём времени. И даже не в России. Как вернуться — непонятно. А главное — метка.

При мысли о магическом клейме на руке, по коже бегут мурашки. Если Кристард не лгал, он найдёт меня, где бы я ни спряталась. И так дальше этого «Соснового двора», кроме леса с волками и монстрами, ничего не видела. А теперь ещё ехать не пойми куда. Может, у настоящей Элены и были какие-то родственники или хотя бы знакомые, у которых можно было бы остановиться, но, очевидно, мне памяти о них не досталось. Там я точно останусь с Кристардом один на один, без единого союзника.

Тем более что... Если она, то есть я, приехала сюда и собиралась перейти как-то стену, которая может заморозить заживо, значит полагаться на этих людей не стоит. Она же не совсем чокнутая, рисковать жизнью собственного ребёнка. Так?

Выходит, что нет... Ведь на её месте теперь я, мне же и разгрести проблемы, которые она наворотила. Здесь у меня хотя бы есть загадочный кот, который, похоже, знает обо мне больше, чем я сама. Может быть, он сможет помочь разобраться с этой меткой? С моим прошлым?

Взгляд падает на мирно дремлющего в корзинке малыша. Кто-то из работников, помогавших нам решать проблемы постояльцев, принёс её, чтобы я немного отдохнула. Шум его, похоже, вовсе не тревожил, мирно спит, как будто мы не в зале постоянного двора.

Будем откровенны. Даже если Кристард меня всё же поймает и не дай Бог заберёт ребёнка, для самого малыша так безопаснее. Мать с вынужденной амнезией даже, как его зовут, не в курсе. Хорошо, что никто этого пока не спрашивал. Надо бы придумать. Он ещё маленький, разницы не заметит. Наверно.

Да я, если честно, и придумать ничего не могу. Это же не наши Вити-Саши-Максимы, тут нужно что-то необычное. Взять хотя бы его отца. Кристард! Сразу трепещешь от пафоса.

— Лена! — Голос Таши вырывает меня из размышлений. — Ты просто невероятна! Как ты это сделала? Все эти люди... они все слушались тебя!

— Не знаю, — пожимаю плечами я и оглядываюсь. — Нам нужно поговорить.

Подняв корзину с ребёнком, потому что я не готова оставлять его на полу под стойкой. Отвожу Ташу в тихий угол. Сердце колотится — я не знаю, правильно ли поступаю, доверяясь ей, но инстинкт подсказывает, что можно.

— Тот лорд, Кристард... — Имя застревает в горле. — Кажется, он ищет меня. И я... я не должна ему попасться.

Таша берёт мою руку в свои. Они тёплые и чуть шершавые от работы.

— Я уже поняла, — говорит она тихо. — По твоим глазам, когда ты услышала про солдат. Так испугалась...

— Я думала уехать, — признаюсь я. — Но теперь понимаю, это бессмысленно. Он найдёт меня.

— Тогда вернись в комнату. Мы с Мирой позаботимся, чтобы тебя никто не побеспокоил. А как только...

— Нет, я не могу просто прятаться. От безделья и тревожных мыслей с ума сойду. Да и Кристард... он может случайно найти меня, если будет бродить по двору.

Меня передёргивает от одной мысли об этом. Таша понимающе кивает.

— Может... найдётся какая-то работа? В прачечной или на кухне? Не хочу быть обузой. К тому же там всегда шумно: если малыш заплачет, это не будет так заметно.

— Конечно! — Ташу эта новость явно радует. — Вообще-то, мне очень нужна помощь здесь, за стойкой, особенно после того, как ты так ловко справились с этим хаосом... Но это слишком рискованно.

Она заговорщически улыбается мне и ведёт через кухню к небольшой уже знакомой мне пристройке. Запах мыла и свежего белья окутывает нас, как тёплое одеяло. Несколько женщин склонились над корытами, пар поднимается к потолку.

— Тут всегда работы невпроворот. Лишние руки точно не помешают.

— Ташка, это кто у тебя? — Одна из женщин поднимает голову.

— Наша новая девочка, — объясняет та. — Её муж — мерзавец! Бросил с ребёнком. Рильда разрешила ей остаться. Вот помочь хочет.

— С маленьким-то?

Женщины охают, а я начинаю нервничать.

— Простите, пожалуйста! — решаю я вмешаться. — Я понимаю, что положение моё вызывает сомнения, но я хочу помочь, правда.

— Она сейчас так хорошо в зале помогла! — хвастается Таша.

— Хозяйки нет ещё? — Третья женщина поднимает голову.

— Нет... не знаю, куда делась...

— Не бойся, девочка, сильно нагружать не будем. — Внимание снова переключается на меня. — Да и нам с малюткой веселее, правда же?

Над тазами проносится одобрительный гомон.

— Можешь начать с сортировки, — подсказывает мне Таша. — Там полотенца, простыни, их отдельно все стираем...

Топот ног в коридоре обрывает её на полуслове. В дверях появляется запыхавшаяся Мира, её лицо бледнее обычного.

— Солдаты вернулись! — выпаливает она.

Сердце пропускает удар. В груди становится холодно и пусто. Я знаю, почему они вернулись так быстро. И какие вести привезли.

Рильда.

Малыш, словно чувствуя мой страх, начинает беспокойно ворочаться. Прижимаю его крепче, пытаюсь унять дрожь в руках. Её жертва не должна быть напрасной.

— Где они сейчас? — шепчу я, хотя больше всего хочется закричать.

— В общем зале. — Мира переводит дыхание. — Требуют выпивки. И... они злые. Очень. Таша быстро оглядывается на меня.

— Оставайся здесь. Мы с Мирой всё разузнаем. Девочки, присмотрите за ней, хорошо?

Киваю молча. Мои, не побоюсь этого слова, подруги спешно выходят, а я опускаюсь на ближайший табурет. Вина тяжёлым камнем давит на плечи.

В прачечной тепло и влажно, пахнет мылом и свежестью, но меня бьёт озноб. Даже представлять боюсь, что случится дальше.

Глава 16. Кристард Деролон

Въезжаю во двор таверны, придерживая поводья. За спиной разбитая телега с телом Рильды, накрытым грубой тканью. Ветер доносит запах крови и чего-то ещё... чего-то неправильного. Тени оставляют после себя характерный след, который вряд ли чувствует ещё кто-то, кроме меня. Затхлый, словно из склепа.

Спешиваюсь, разминая затёкшие мышцы. В другое время я бы не придавал особого значения смерти хозяйке постоянного двора. Люди умирают каждый день — от болезней, голода, разбойников, собственной глупости. Нельзя спасти всех, иначе эта ответственность раздавит. Даже такого, как я.

Но тени среди бела дня... Это меняет всё.

Прикрываю глаза, вспоминая недавний разговор с королём. Лианора беспокоило состояние барьера, сдерживающего внешнюю угрозу. Он не сказал напрямую, но мы все почувствовали. Происходит что-то необычное, и пока никто из нас не понимает, хорошо это или плохо.

Внутри поднимается знакомое чувство азарта. Моя драконья сущность отзывается на вызов, требует действий. Огонь течёт по венам, и приходится сделать глубокий вдох, чтобы сдержать трансформацию. Не время показывать истинную форму.

Особенно после случившегося с Рейниром, но я думаю, что он просто зазнавшийся юнец, который допустил ошибку и лишился своего дракона. Удержит титул лариана или нет, пока неясно, но то, что случившееся целиком и полностью его вина, — факт.

Женщины — прямой путь к порокам. Моя Элена — тому подтверждение

Метка на руке слабо пульсирует. Я чувствую, что она здесь, моя сбежавшая жена. Совсем близко. На мгновение прикрываю глаза, позволяя магии течь свободнее — да, определённо в постоялом дворе. Прячется, как мышка, но сейчас не до неё.

Тени становятся сильнее, наглеют. Лианор явно не ошибся, пригласив меня сюда. Грядёт что-то серьёзное. И я намерен выяснить, что именно.

Никто не смеет бросать вызов мне. Ни люди, ни твари тьмы.

— Лорд Деролон, — окликает меня один из солдат. — Куда прикажете доставить тело?

— Найдите какой-нибудь сарай и оставьте, мне нужно будет ещё раз осмотреть её. И позовите того, кто здесь за старшего в моё отсутствие.

— Есть!

Жена подождёт. Сначала долг, потом удовольствия. А в том, что я верну её под свой контроль, я даже не сомневаюсь. Это лишь вопрос времени. Сейчас важнее понять, почему тени вышли на охоту днём. И что, во имя драконьих богов, происходит с границами королевства.

Пока солдаты возвращают лошадей в конюшни, я вхожу в здание. На первом этаже всё спокойно, хотя на ввалившихся солдат всё равно обращают внимание.

Идиоты даже не подозревают, насколько близко они к опасности. Прохожу мимо, игнорируя окликнувшую меня девочку у барной стойки. Подожду в кабинете. В любом случае лишняя паника нам ни к чему.

Устраиваюсь в кресле Рильды, оглядываюсь. Всё такое... аккуратное. Бумаги стопками, счётные книги на полках. Двор работает как часы, даже после её исчезновения. Значит, кто-то умело подхватил дела. С этим человеком стоит поговорить: толковые управляющие на дороге не валяются.

В дверь стучат. На пороге появляется девушка с огненно-рыжими волосами, собранными в простую косу. Не знаю, передали ей солдаты мою просьбу явиться или за стойкой сказали, что страшный дракон захватил владения и нужен переговорщик. Держится уверенно, хотя я чувствую её напряжение.

— Лорд, здравствуйте. Я Мира, — представляется она, слегка склонив голову. — Чем-то могу помочь, господин?

— Присаживайся. — Я указываю на стул напротив.

Девчонка движется грациозно, как молодая кошка. Поглядывает на меня с интересом, и мне нравится, что её не трясёт, как кролика, но она осторожная. Понимает, что вульгарщину я не потерплю. Хотя часто её вижу, когда женщины пробуют задобрить.

— У меня важное поручение. — Я постукиваю пальцами по столу. — Нужно связаться со старостами всех окрестных деревень. Пусть расспросят своих охотников, пастухов, лесорубов. Меня интересуют любые странности, связанные с теньями. Несчастные случаи и стычки, которые закончились мирно.

— Хорошо. Я передам Рильде, — неуверенно кивает Мира.

— Ты сделаешь это сама.

— Но... Обычно такими вопросами занимается хозяйка. У неё связи...

— Рильда мертва, — обрываю её я.

Повисает тяжёлая пауза. Рыжая явно не знает, как на это реагировать. Эмоции на её лице сменяют друг друга вспышками. Недоверие, сомнения, страх. Наблюдаю, как расширяются её глаза, как она подносит ладонь ко рту и, наконец, вдыхает:

— Неправда.

— Она погибла сегодня в лесу.

Девушка застывает, словно громом поражённая. Пока шок не прошёл, я добавляю:

— Пыталась вывезти мою жену и ребёнка к границе. Тени постарались. Тело у вас в сарае. Хочешь посмотреть?

Смотреть там не на что на самом деле, но нужного эффекта я всё же добиваюсь. Мира в абсолютном ужасе.

Подаюсь вперёд, опираясь локтями на стол. Мой голос становится мягче, вкрадчивее.

— Подумай, Мира, как грустно получилось. Женщина, которая дала вам дом, работу, семью... погибла из-за прихоти своенравной девки. Елена и мой сын здесь, я это знаю. Чувствую. Вы прячете её.

Встаю, обхожу стол. Останавливаюсь рядом с девушкой, которая словно оцепенела на своём стуле.

— Приведи её ко мне, — говорю я негромко, почти интимно, — и получишь щедрое вознаграждение. Конечно, я и сам могу её найти. — Я делаю многозначительную паузу и выпрямляюсь, завершая круг и снова оказываясь по другую сторону стола. — Но тогда придётся копать могилы не только для Рильды, но и для тех, кого считаешь семьёй. Скажи, Мира, сколько людей ты готова потерять из-за её безрассудства?

Смотрю, как дрожат её руки, как бледнеет лицо. Всё же есть что-то... возбуждающее в том, как легко можно манипулировать людьми, играть на их привязанностях и страхах.

— Решай, Мира. — Мой голос звучит почти ласково. — Но решай быстро. Дело здесь не в моей жадности, я не собирался уменьшать сумму награды, а в том, что Елена не так безобидна, как может показаться.

Глава 17

Влажный воздух прачечной давит на грудь или это страх перехватывает дыхание?

Одна за другой женщины покидают помещение, бросая на меня встревоженные взгляды. Никто не говорит ни слова, но эта тишина красноречивее любых объяснений.

Пока мы работали, в прачечную приходят и уходят люди. Я слышу шепотки, но не прислушиваюсь. И так понимаю, какие новости витают в воздухе. Но не представляю, как во всех этой истории мне следует себя вести.

Винтер говорил: нужно скрывать мою причастность, но... не уверена, что я достаточно хорошая актриса, чтобы отыграть до конца.

Я заканчиваю перебирать вещи, но к этому моменту все женщины, которым меня представила Таша, уже ушли, оставив меня в одиночестве и непонимании, что делать дальше.

Сажусь на скамейку и прижимаю к себе спящего сына, пытаюсь унять дрожь в руках. Почему они ушли? Что происходит там, в общем зале? От неизвестности хочется кричать.

Надеюсь, они просто стараются меня не пугать. В глазах всех этих женщин я молодая мать, которой и без этого хватает переживаний. А раз я здесь совсем недавно, посвящать меня в подробности гибели хозяйки двора не будут.

Если другие работники не знали о том, что она помогала сбегать от жестоких мужчин...

Сердце пропускает удар. Кристард уже здесь. Погибла женщина. Что, если прямо сейчас он остановит это бессмысленное противостояние и отнимет у меня ребёнка?

Отступаю в дальний угол прачечной, лихорадочно оглядываясь по сторонам. Куда бежать? Как защититься? В голове вихрем проносятся бессвязные мысли — одна страшнее другой.

Пар поднимается от корыт с горячей водой, бельё сохнет на верёвках. Такая обычная, мирная картина, но сейчас она кажется декорацией перед надвигающейся бурей. Малыш во сне морщит носик, и я невольно прижимаю его крепче.

Нет, я не позволю ему забрать тебя. Только не это.

— Прекрати паниковать. — Уже знакомый голос заставляет меня вздрогнуть.

Винтер появляется словно из ниоткуда, запрыгивает на стол для глажки. Его янтарные глаза смотрят с привычным снисходительным спокойствием.

— Ты?! — шепчу я, боясь разбудить сына. — Где ты был всё это время?

— Там, где был нужен. — Кот потягивается, выгибая спину. — А сейчас я нужен здесь. У меня есть план.

Смотрю на него с надеждой и страхом. Впрочем, разве у меня есть выбор?

— Какой план? — Мой голос дрожит, но в нём уже меньше паники.

Винтер усаживается, обернув хвост вокруг лап.

— Солдаты остаются в таверне. — Винтер говорит тихо, но каждое его слово падает как камень. — Будут квартироваться здесь. У них какое-то задание, которое они сперва собирались просто проверить, но теперь всё подтвердилось.

— Вот чёрт...

— Такие словечки не используй, — строго обрывает кот. — Иначе сразу себя выдашь. И вообще, ты можешь просто думать, говорить всё мысленно. Я пойму, потому как моя речь строится так же.

Я затыкаюсь и немного нервно покачиваю заворочавшегося сына. Попробовав несколько раз, я, наконец, нахожу, как именно нужно проговаривать про себя слова, чтобы Винтер смог мне ответить. Хотя и не исключаю, что кот просто вредничает и не стал отвечать мне с первого раза.

— Ты сказал, что у тебя есть план. Какой? Мне стоит связаться с кем-то и уехать? Может, попытаться найти деньги, которые моя предшественница заплатила ей?

— Тебе нужно затаиться до вечера, — спокойно отвечает кот, — а потом... Пойти к Кристарду. Сама.

Повисает пауза. И в пустой прачечной, и в наших мыслях. Последнее даже страшнее.

— Что?! Ты с ума сошёл?!

Хорошо, что он объяснил мне, как пользоваться силой.

— После всего, что он сделал? После того, как я едва спаслась?

— А у тебя есть другой выход? — Винтер шурит янтарные глаза. — Подумай головой, а не тем, чем обычно. Он лариан, у него власть и люди. Кристард найдёт тебя — это вопрос времени, причём не только здесь. Но если ты придёшь сама, на своих условиях...

— Нет! — качаю я головой так резко, что перед глазами плывёт. — Ни за что! Я скорее умру, чем...

— А ребёнок? Ты готова рискнуть им?

Эти слова бьют под дых. Прижимаю сына крепче, чувствуя, как предательские слёзы жгут глаза.

— Послушай меня. — Винтер подходит ближе, его хвост нервно подёргивается. — Просто продержись до вечера, а потом пойди к нему. Не глупи. Это единственный способ...

В голове вихрем проносятся картины прошлого: синяки на запястьях, ночные кошмары, постоянный страх.

Кому я нужна буду, да? Такая вот бестолковая и неправильная?

Погодите, это же...

Да. Это звучит голосом свекрови. Каждый раз, когда Гена вытворял что-то такое, на что я не могла просто закрыть глаза, его мать или сестра вываливали на меня нечто подобное. Убеждали в том, что причина всего — я.

Сама виновата.

Но какое отношение это имеет к текущей ситуации? Да и важно ли это?

Нет, я, скорее, сбегу снова. Куда угодно, хоть на край света. Если эти солдаты должны остаться здесь, за мной они не рванут, так ведь? Нужно придумать, как нейтрализовать метку.

Если я и пойду договариваться, так только ради того, чтобы как-то выиграть время или убедить его не преследовать меня. Но это ведь ещё придумать нужно, как сделать.

Дверь прачечной скрипит, заставляя меня вздрогнуть. На пороге стоит Мира — бледная, с покрасневшими глазами.

— Лена. — Её голос звучит странно, напряжённо. — Пойдём со мной? Нужно... кое-что обсудить.

Бросаю взгляд туда, где только что сидел Винтер, но кота уже нет. Как всегда, исчез в самый неподходящий момент.

Как он это делает?

Киваю Мире, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Что-то в её взгляде заставляет меня насторожиться. Это она так на новости о Рильде реагирует? Что-то изменилось, и я не уверена, что хочу знать, что именно.

Глава 18

В воздухе постоянного двора висит тяжёлый дух тревоги. Всё изменилось всего за день. Ещё утром здесь кипела жизнь, перекрикивались работники кухни, звенела посуда в общем зале, слышался смех служанок.

Сегодня всё иначе. Тишина давит на уши и прерывается только глухими шагами солдатских сапог по деревянному полу. Мира ничего не говорит, поэтому создаётся ощущение, что меня ведут на казнь.

Сердце замирает, когда мы проходим мимо кабинета Рильды. Массивная дубовая дверь закрыта, но я чувствую: там кто-то есть. Инстинктивно сжимаю ручку корзины, в которой спокойно спит сын, крепче, стараясь ступать тише по потёртому ковру. Метка слегка теплеет, так что я пониже одёргиваю рукав.

В коридорах непривычно пусто. Развешанные по стенам гобелены, обычно придающие месту уют, сейчас кажутся выцветшими и мрачными. Лампы не горят, хотя день клонится к вечеру, и в углах собираются густые тени.

— Что происходит, Мира? — Мой голос звучит неестественно высоко. — Почему все так странно себя ведут?

Она останавливается у окна, выходящего во внутренний двор. Там столпились солдаты — начищенные нагрудники тускло поблёскивают в вечернем свете. В её глазах стоят слёзы.

— Рильда... она... — Девушка запинается, теребя передник дрожащими пальцами. — Погибла сегодня в лесу.

Это я уже знала, но пол всё равно уходит из-под ног. Как будто до того, как я услышала это от другого человека, всё случившееся было просто чьей-то злой шуткой. Вдруг я просто неверно поняла, ошибалась. Глупая попаданка из другого мира, которая просто не так всё поняла, которую разыграли.

Психика пыталась защищаться до этого момента, однако теперь её ресурс достиг предела. Всё вразравду. Этот мир не сон и не просто бред моей фантазии. В нём действительно можно умереть.

Прислоняюсь к стене, чувствуя шершавость старой древесины под ладонью. В нос ударяет запах свежeweымытых полов — кто-то, будто по привычке, продолжает выполнять ежедневную работу, даже когда весь мир рушится.

— Идём. — Мира вытирает слёзы рукавом и тянет меня дальше по коридору. — Ужин начался.

Кухня встречает нас непривычной тишиной. Учитывая, что гостей у нас прибыло, должно быть жарко от растопленных печей, но они едва теплятся, котлы с похлёбкой остывают нетронутыми.

Работники сидят за длинным столом, отполированным годами использования. Тусклый свет из закопчённых ламп падает на их склонённые головы и миски с нетронутой по большей части едой. Слышно только, как позвякивают ложки, будто колокольчики на похоронах.

Опускаюсь на скамью. В воздухе висит тяжёлый запах подгоревшей каши и чего-то ещё... Страха? Отчаяния?

Украдкой разглядываю незнакомые лица вокруг. Все подавлены, это понятно. Но есть что-то ещё... Будто тяжёлая туча нависла над кухней, и вот-вот грянет гром.

Никто явно не понимает, что дальше.

Мира садится рядом на скрипнувшую скамью, придвигает мне щербатую миску с похлёбкой. От неё поднимается пар, однако запах не вызывает аппетита. В горле стоит ком, и каждый глоток воздуха дается с трудом.

— Послушай, — шепчу я Мире, наклонившись ближе. — Может, если мы...

Договорить не успеваю: дверь кухни распахивается с такой силой, что ударяется о стену. На пороге стоит женщина в дорогом платье, её лицо искажено гневом.

— Что здесь происходит?! — Её визгливый голос режет уши. — Почему никто не работает? Постояльцы голодные, в комнатах бардак, а вы тут прохлаждаетесь?!

Все за столом вздрагивают, но никто не двигается с места. Эта неподвижность, кажется, злит её ещё больше.

— Вы что, оглохли? Я с кем разговариваю?!

Меня пробирает дрожь, а в горле возникает неприятная тошнота. Моя обычная реакция на появление незваных и неожиданных гостей в лице Генкиной мамы. Та точно так же кричала, врываясь в нашу квартиру без стука. Обязательно надменный взгляд и интонации человека, считающего себя центром вселенной.

Сын начинает хныкать. Я машинально прикрываю его руками, прекрасно понимая чувства ребёнка и необходимость хотя бы так защитить его от этого потока злобы.

— Госпожа. — Один из поваров, судя по всему, поднимается на ноги, его голос дрожит. — Наша хозяйка... Рильда...

— Что хозяйка? Где она? Почему допускает такое безобразие?!

— Она умерла, — тихо говорит Мира.

На секунду в кухне повисает тишина. Женщина моргает, но её лицо не смягчается.

— И что? Повод распускаться? Работа сама себя не сделает! Немедленно все по местам! Я этого так не оставлю!

Чувствую, как внутри поднимается волна гнева. Как можно быть настолько бессердечной? Человек погиб всего несколько часов назад, а ей важнее, что кровати не заправлены? Кто она вообще такая и что тут делает с подобными наездами?

Совсем как моя свекровь, которая могла устроить скандал из-за пылинки на подоконнике, даже если я неделю лежала с температурой.

Эти женщины словно из одного теста слеплены: вечно недовольные, глухие к чужому горю, уверенные в своей правоте.

Она обводит кухню властным взглядом и вдруг замирает. Наши глаза встречаются, и в первую секунду я думаю, что она раскричится из-за моего сына.

Лучше бы раскричалась, честное слово...

Вижу, как меняется её лицо: удивление, узнавание, ярость.

— Ты?! — Её голос срывается на визг. — Неблагодарная дрянь! Вот где ты прячешься!

Вскакиваю, прижимая сына к груди, но бежать некуда: она загораживает единственный выход.

Господи! Она что, меня знает?! Вернее, Элену?

— Как ты посмела? — Она надвигается на меня.

И я пыхчу назад.

— Опозорила семью! Бросила мужа! Украла ребенка!

Твою ж... мать. Всегда может быть хуже, да?

— Я никого не крада. — Голос дрожит, но я заставляю себя говорить: — Это мой сын...

— Молчать! — Она почти брызжет слюной. — Ты думала, мы не найдём тебя? Думала, сможешь безнаказанно разрушить нашу семью? О, теперь ты за всё ответишь! Мой сын будет очень рад узнать...

Краем глаза замечаю, как переглядываются работники, как Мира смотрит на меня как-то неоднозначно.

Всё рушится. Опять. И некуда бежать и прятаться.

— Стражи! — кричит новообретённая свекровь, и её торжествующая улыбка напоминает оскал хищника. — Стражи! Сюда!

Вот и всё. Я попалась.

Глава 19. Кристард Деролон

Стою у большой карты окрестных лесов, разложенной на столе в центре холла. Не будь это единственным вариантом плана местности, я бы просто отправил её на растопку печи, потому как худшей карты и представить сложно. Вот только нам нужно от чего-то отталкиваться, а времени на отрисовку новой у нас просто нет.

Свечи отбрасывают неровные тени на лица моих людей, собравшихся вокруг. Постоялый двор теперь наш временный штаб, база для операций. Нужно всё организовать правильно, не допустить ошибок.

— Лорд Деролон. — Рам, мой заместитель, склоняется над картой. — Предлагаю расположить основной отряд на втором этаже с южной стороны. Окна выходят на дорогу, удобно для наблюдения.

Киваю, отмечая про себя его сообразительность.

— Согласен. Первый этаж оставим для других гостей. Нельзя останавливать работу двора, это единственное приличное заведение во всей округе. Кому-то может спасти жизнь.

— А как быть с кухней? — спрашивает кто-то из младших офицеров. — Местные повара не справятся с нашим отрядом. Особенно теперь.

Провожу рукой по подбородку, чувствуя колючую щетину. Последние дни было не до бритья.

— Придётся справиться. Выделим им помощников из наших...

Голова гудит от деталей, которые нужно учесть. Расписание патрулей, распорядок дня, дежурства, тренировки прерывать нельзя, организация разведки в городе. Каждая мелочь может стоить жизни. Или провала миссии, что ещё хуже.

— Лорд Деролон. — Рам понижает голос. — Насчёт местных... Они ненадёжны. После смерти хозяйки...

— Знаю. Поставим присматривать. Особенно за...

Внезапный крик прерывает совещание. Дверь распаивается с грохотом, и в холл влетает моя слишком активная для своего возраста мать. Держит что-то... кого-то...

Сердце пропускает удар. В её руках — ребёнок. Плачущий, извивающийся. А следом...

— Кристард! — Мать торжествующе улыбается. — Смотри, кого я нашла!

Значит не показалось. Я не удивляюсь, увидев её здесь. Я прекрасно чувствую метку, знаю, что она была поблизости, и отчасти мне нравилось играть с ней, потому как деться ей было некуда. Я отдал приказ задерживать и осматривать всех выселяющихся. Она не смогла бы сбежать от меня.

Отчасти поэтому меня так возмутила попытка Рильды вывезти её. А теперь Элена, моя непутёвая и оттого ненужная жена. Стоит в дверях, бледная как смерть, с перекошенным от ужаса лицом. Наши взгляды встречаются, и время словно застывает.

— Вот! Твой сын! — Мать протягивает ребёнка мне. — А вот и неверная жена! Мало того что шляется не пойми где, так ещё и родного сына чуть не угробила. Ты должен немедленно наказать её!

Остаётся только языком цыкнуть. Во всей этой суе, побегах жены и дневном нападении монстров я забыл о том, что моя мать придет в постоялый двор с отставанием на день. Она должна была помогать Элене с ребёнком, пока я занят работой. Обычно я не вмешиваюсь в женские дела, так что и она — последняя, о ком я помнил всё это время.

И теперь мать прилюдно требует от меня действий, зная, что я не смогу проигнорировать подобный выпад при подчинённых. Даже если бы хотел.

Я согласен с тем, что Элена заслужила наказание, но не хочу превращать это в шоу.

Чувствую, как немеют пальцы, всё ещё лежащие на карте. Как напрягаются плечи моих солдат, они не знают, как реагировать. Это личное или служебное дело? Враг перед ними или семья их командира?

— Мама, дай мне его и отведи Элену в кабинет хозяйки.

— Но...

— Я закончу собрание и займусь ей. — В голосе проявляются металлические нотки.

Элена делает неловкий рывок, но её останавливает один из моих людей. Жена кричит, одновременно проклиная всех нас и умоляя не делать этого. Её глаза... Столько страха в них. Страх передо мной.

Кселарон продолжает плакать, истерика матери пугает его, однако стоит сыну оказаться на моём предплечье — тут же затихает. То, что принадлежит мне, вернулось на своё законное место.

Мы встречаемся с моим мальчиком взглядами. Он слишком мал, но уже знает, что теперь его жизни ничто не угрожает. В мире для него не существует места безопаснее, чем сейчас.

Драконьи боги имеют паршивое чувство юмора. Они сделали связь родителя с ребёнком незримой, однако соединяют меткой, позволяющей отследить до определённой области с женщиной, которая нужна теперь только для обеспечения питания сыну.

Элену выводят под локти, она уже не сопротивляется. Моя мать выходит следом, довольная происходящим и всё ещё что-то выговаривая непутёвой невестке.

— Итак, господа, вернёмся к обсуждению. Рам, ты начал составлять группы патрулирования?

Кселарон с интересом таращится на меня, его тепло знакомо и приятно. Краем глаза замечаю удивлённые взгляды офицеров. Что ж, им многое предстоит узнать о своём командире. Я не из тех, кто позволяет эмоциям мешать делу.

Совещание длится ещё час. Всё это время держу сына, покачивая его, когда он начинает ворочаться. Наконец, все вопросы решены, приказы отданы. Пора заняться семейными делами.

В кабинете Элена сидит, сгорбившись, в кресле. Мама рядом, как верный страж. При моём появлении обе вздрагивают.

— Оставь нас, — говорю я матери.

Она колеблется, но подчиняется. Дверь закрывается с тихим щелчком.

Элена выглядит жалко. Уверен, пока я был занят делами, она много чего здесь успела выслушать. Совершенно заслуженно.

— Ты понимаешь, что натворила? — Мой голос спокоен, но от него веет холодом, и я прекрасно это понимаю. — Унесла ребёнка в лес, где полно диких зверей и тёмных, как оказалось. Потом ещё и пряталась, будто тебе три. Верх безрассудства.

— Я...

— Молчи, — обрываю её я. — Ты показала и доказала, что не способна принимать разумные решения. Значит, теперь решения буду принимать я.

Элена вскидывает голову, в глазах мелькает незнакомый огонь. Но я не дам ей заговорить.

— Отныне ты будешь видеть сына, только когда ему нужно будет поесть. В остальное время он будет со мной или с надёжными людьми.

— Ты не можешь... — Её голос срывается.

— Могу. И сделаю. — Я позволяю себе усмехнуться. — Тебе повезло, что мы не дома, иначе я бы выгнал тебя с концами, но, боюсь, здесь мне кормилицу не найти, а я не настолько безответственный, в отличие от тебя.

Элена выглядит так, будто сейчас грохнется в обморок. Тянет ко мне руки, но я не позволяю ей прикоснуться к Кселарону.

— Кристард... пожалуйста, не надо!

— Ты сама выбрала этот путь, когда решила сбежать. Теперь пожинай плоды своей глупости.

Сын шевелится у меня на руках, и я машинально прижимаю его крепче. Вижу, как Елена тянется к нему взглядом, как дрожат её руки.

— Если бы ты вела себя так, как подобает жене и матери, всё могло быть иначе. Но ты предпочла поиграть в беглянку, подвергая опасности не только себя, но и моего наследника.

— Нашего... — шепчет она.

— Моего, — отрезаю я жёстко. — Ты потеряла право называть его своим, когда рванула в лес и пыталась убить его у тумана. Ты хоть осознаёшь, что из-за твоей глупости уже погиб человек? Благодарю богов, что я позволяю тебе его кормить.

Она сжимается в кресле, и я вижу слёзы в её глазах. Пусть плачет. И поймёт, наконец, что её действия имеют последствия.

— Тебе выделяют комнату. Будешь приходить и кормить по расписанию. В остальное время держись подальше от ребёнка, раз уж не умеешь вести себя как взрослая женщина. Это понятно?

Она кивает, не поднимая глаз. Сломлена? Хорошо. Так и должно быть.

Разворачиваюсь и выхожу, унося сына. За спиной слышу тихий всхлип, но не оборачиваюсь. Она сама выбрала свою судьбу, когда решила, что может играть со мной в игры.

Теперь пусть живёт с этим выбором.

Глава 20

Не знаю, сколько времени я просидела в кабинете Рильды, прежде чем за мной пришёл солдат. Я позволяю вывести себя и сопроводить до комнаты.

Перед глазами туман, ноги ватные. Я плохо осознаю, где нахожусь, в ушах шумит. Если честно, я даже не понимаю, куда именно меня привели, не запомнила дорогу.

И, самое паршивое, мне всё равно.

Комната плывёт перед глазами, как в тумане. Простая, но крепкая мебель, вязанные ковры, светлые занавески — всё кажется нереальным, будто декорации в театре теней. Солдат что-то говорит, но слова проскальзывают мимо сознания, растворяясь в гулкой пустоте, заполнившей мою голову.

Дверь закрывается с тихим щелчком. Теперь я одна. Совсем.

Ноги подкашиваются, и я сползаю по стене на пол. В груди что-то рвётся, словно тонкая ткань. Медленно, нить за нитью. Каждый вдох даётся с трудом, будто воздух превратился в вязкую патоку.

Мой сын. Мой маленький мальчик. Его больше нет рядом.

Перед глазами снова и снова встаёт эта сцена. Ледяной взгляд Кристарда, его жёсткий голос, объявляющий приговор: только для кормления. Словно я не мать, а просто... функция. Вещь. Инструмент.

А самое страшное — где-то в глубине души я признаю, что он прав. Оказалась в этом мире и не имела не просто денег, их-то ещё можно заработать, а элементарного представления о том, где я, какие опасности тут есть и как мне с ними справляться, я просто...

Комната кружится вокруг меня, как карусель в кошмарном сне. Хочется проснуться, но я знаю: это реальность.

Заставляю себя подняться, добираюсь до кровати. Покрывало холодит пальцы.

Ложусь, сворачиваясь в клубок, как делала в детстве, когда было страшно. Но теперь это не помогает. Внутри — пустота, бездонная яма, затягивающая все мысли и чувства.

Зачем? Зачем теперь всё это? Зачем дышать, двигаться, существовать? Единственное, что держало меня на плаву, — ребёнок. А теперь...

Впрочем, это даже не мой сын. Это сын Элены, а я тут случайно. Интересно, что бы она сделала на моём месте?

Впрочем, что бы она сделала? Кристард — шкаф такой... слегка толкнёт, уже уронит. Тут даже если с кулаками на него броситься — толку ноль. А даже если я каким-то невероятным чудом всё же смогу что-то сделать этому мерзавцу, у него полный двор солдат, которые скрутят меня, не успею я и порадоваться победе.

Или я просто ишу оправдание своей слабости?

Мне ничего не сделать. Я буду подчиняться, потому как даже бойкот невозможен. Откажусь — пострадает в первую очередь сын, а этого допустить никак нельзя.

В окно бьётся ветка дерева. Тук-тук-тук. Как метроном, отсчитывающий секунды бессмысленной жизни. Может, было бы лучше, если бы...

Дверь скрипит, открываясь. Я даже не поворачиваю головы — какая разница? Что ещё они могут у меня отнять?

— Лена? — Голос Винтера звучит мягко, осторожно.

Слышу его мягкие шаги, чувствую, как прогибается матрас, когда он запрыгивает на кровать и садится рядом.

Молчу. Слова кажутся бесполезными, как мелкие камешки против горной лавины.

— Лена, посмотри на меня.

И что-то внутри меня трескается, как корка льда по весне. Слёзы, которых не было раньше, вдруг прорываются неудержимым потоком. Всхлипываю, дрожу, захлёбываюсь рыданиями.

Не знаю, сколько времени проходит, прежде чем слёзы иссякают. Винтер сидит рядом, тёплый и молчаливый. Его присутствие странным образом успокаивает — может, потому что он единственный здесь, кто видит во мне человека, а не вещь.

— Выплакалась? — спрашивает кот мягко, когда мои всхлипывания становятся тише.

— Какая теперь разница? — Голос хриплый от слёз. — Я здесь никто. Просто... кормилица для собственного ребёнка.

— Ты сама позволяешь себя так воспринимать.

Приподнимаюсь на локте, глядя на него с горечью.

— Знаешь, что он мне сказал? Будто я... скотина какая-то.

— Я слышал мужчину, который зол и разочарован. Который видит перед собой жену, неспособную заботиться даже о самой себе, что и привело в этот мир тебя.

— Но я не она! Что мне, пойти к нему и признаться, что я не Елена?!

— Ни в коем случае, это может плохо кончиться. Для тебя. — Винтер устраивается поудобнее, обвивая хвостом лапы. — Пока ты ведёшь себя так же, как она: прячешься, убегаешь, позволяешь загнать себя в угол.

Его слова задевают что-то внутри.

— И что мне делать? Он же...

— Кристард — неплохой человек, Лена. Просто... сложный.

Фыркаю недоверчиво.

— Я бы сказала, он тиран!

— Он командир, который привык решать проблемы, — терпеливо поясняет кот. — И сейчас он видит перед собой инфантильную женщину, которая подвергла опасности его сына.

— Я защищала ребёнка! Всё время, пока я здесь!

— А он этого не знает. — Винтер смотрит на меня пронзительно. — Для него ты Елена, которая снова натворила глупостей. Но это можно изменить.

Сажусь на кровати, вытирая остатки слёз.

— Как? Он же даже слушать меня не хочет.

— Словами — нет. Но есть другие способы. — Хитрый огонёк мелькает в кошачьих глазах. — Скажи, кто сейчас управляет постоянным двором?

— Никто, — отвечаю я машинально.

— А кто недавно прекрасно справился с паникой постояльцев? Кто организовал работу кухни? Кто знает все нюансы управления этим местом?

Медленно начинаю понимать, к чему он клонит.

— Думаешь... я могла бы?

— Почему нет? — Винтер потягивается. — Им нужен кто-то, кто возьмёт это на себя. Кто-то компетентный. Все они слишком полагались на Рильду и расстроены тем, что её нет. Ты не привязана к ней так сильно, как они. Можешь мыслить хладнокровно. Докажи делом, а не словами, что способна на большее, чем просто... как ты выжила? Быть функцией?

В груди что-то шевелится — может, надежда? Или решимость?

— Он запретил мне подходить к ребёнку. Но не запретил ходить по двору, — медленно проговариваю я.

— Это будет нелегко, — предупреждает кот. — Придётся работать, доказывать каждым делом. Не срываться, не поддаваться эмоциям...

— С его мамашей это сложная задача, — хмыкаю я. — Но я согласна, это шанс. Показать, что я... другая.

Встаю с кровати, подхожу к окну. За стеклом — вечерние сумерки, и где-то там, в другой комнате, мой сын. Мальчик, ради которого я готова на всё.

— Я готова. — Мой голос звучит твёрже, чем я ожидала. — Осталось понять, что мне нужно делать.

Глава 21

Коридор встречает меня приглушённым гулом голосов и общей атмосферой неразберихи. Солдаты, слуги, постояльцы — они словно птицы, потерявшие ориентиры, не знающие, куда лететь дальше.

Сжимаю кулаки. Соберись, Лена. Время жалости к себе прошло.

Таша и Мира обнаруживаются на кухне — растрёпанные, встревоженные, они пытаются одновременно готовить ужин и успокаивать рыдающую судомойку. При виде меня обе замирают, в их глазах читается неуверенность.

Так теперь главное — не становиться слишком наглой.

— Привет. — Голос звучит неожиданно твёрдо. — Я не хочу сходить с ума одна, поэтому пришла помочь навести здесь порядок.

— А твой...

— Давайте не будем про эту сволочь, — обрываю я.

Оглядываю кухню. Повсюду следы хаоса: недоочищенные овощи, разбросанная утварь, подгоревшее рагу рядом с мойкой. Время ужина прошло, так что здесь настоящий ужас.

Нет, это никуда не годится.

В своей прошлой жизни я работала помощницей администратора в небольшом ресторане. Вкалывала на них достаточно долго, так что хоть меня и не сочли достойной повышения, более-менее понятно, что нужно делать. Осталось только адаптировать это под околосредневековые реалии.

— Мира. — Я поворачиваюсь к старшей из девушек. — Сможешь заняться размещением солдат? Узнай у их командира, сколько человек, какие комнаты они хотят занять. Нам нужно согласовать с ними распорядок, завтрак, обед, ужин. Кроме них, про обычных постояльцев забывать нельзя. Придётся всё чётко организовать.

Секундное замешательство сменяется мягкой улыбкой. Кажется, они тоже не против заняться повседневными делами, чтобы не думать о проблемах.

Мира кивает, расправляя плечи. В её взгляде мелькает облегчение. Похоже, она рада, что кто-то говорит, что делать.

— Таша. — Теперь я поворачиваюсь к другой девушке, которая уже вытирает руки о передник, глядя на меня во все глаза. — Проверь кладовые. Нам нужно точно знать, сколько у нас припасов и на сколько их хватит. И... — Голос чуть дрожит, но я заставляю себя продолжить: — Нужно организовать похороны Рильды. Посмотри на складе, что у нас есть, чтобы проводить её, и что нужно будет достать и сделать. Она заслуживает достойного прощания.

Горло перехватывает при мысли о старой хозяйке. Она была добра ко мне, а я... Нет, сейчас не время для скорби.

— А вы... — Я обвожу взглядом остальных работников кухни. — Сперва наведите здесь порядок. Каждый знает своё рабочее место? Это первое, с чего мы будем налаживать нашу жизнь. Если возникнут вопросы — обращайтесь ко мне.

Замечаю, как переглядываются другие рабочие. Я опасалась, что они начнут спорить, ведь их пытаются организовать не пойми кто, но, кажется, эти люди тоже рады спихнуть на меня ответственность за принятие решений.

Пока всё складывается удачно. Наверняка при других обстоятельствах кто-то начал бы спорить, однако никому не хочется связываться ни с солдатами, ни с управлением, тем более в такой непростой период. А ещё чокнутую мамашу Кристарда со счетов скидывать нельзя. Чую, она всем нам ещё крови выпьет.

Кухня постепенно оживает. Люди расходятся по своим делам, движения становятся более уверенными, голоса — спокойнее. Я чувствую, как внутри растёт что-то, похожее на гордость. Может быть, Винтер прав и это мой шанс?

Замечаю в углу знакомую кошачью фигуру. Винтер наблюдает за происходящим с подоконника. И как только эта зверюга умудряется перемещаться? Он будто везде сразу.

Наши взгляды встречаются, и мне кажется, что он едва заметно кивает.

За пару часов работы нам удаётся навести относительный порядок. Таша докладывает о состоянии кладовых, Мира успешно расселяет солдат.

Я как раз устраиваюсь за столиком в углу с чашкой чая и просматриваю списки постояльцев, когда слышу этот голос — резкий, высокомерный, от которого по спине бегут мурашки.

— Ну надо же, какая... деловая.

Медленно поднимаю глаза. В дверях стоит Майгара, мать Кристарда. Успевшая переодеться, но сохранившая змеиную улыбку на губах. Я была в таком шоке, когда мы с ней познакомились, что мало что понимала из её речи, однако успела запомнить эту неприятную деталь, превращающую вполне красивую женщину в монстра.

— Доброго дня, леди Деролон. — Я стараюсь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё сжимается. — Вы что-то хотели?

— Доброго? — Она проходит в комнату, небрежно проводя пальцем по столешнице. — О да, для меня он определённо добрый. Наконец-то справедливость восторжествовала.

Её глаза блестят нескрываемым злорадством. Сжимаю пальцы под столом так, что ногти впиваются в ладони.

— Что вы хотели? — повторяю я вопрос уже не таким спокойным голосом.

— О, я просто хотела лично убедиться, что моему внуку ничего не угрожает. — Женщина осматривает помещение с демонстративным отвращением. — А ты... что ж, похоже, нашла себе подходящее место. Среди прислуги.

— Я выполняю работу, которая необходима постоянному двору. — Каждое слово даётся с трудом, но я держу спину прямо. — Раз уж мы все здесь застряли.

— Работу? — Она смеётся, и этот смех похож на звон битого стекла. — Ты хоть представляешь, как управлять таким заведением? О, постой-ка... — Майгара берёт со стола мои записи, бегло просматривает их. — Какая безграмотность! Эти расчёты никуда не годятся.

Ясно. Скандала не избежать, она настроилась.

Это даже не мои записи. К тому же я сомневаюсь, что она могла так быстро проверить их и найти ошибки.

— И этот беспорядок... — Она обводит рукой комнату, где на самом деле всё аккуратно разложено. — Неудивительно, что мой сын решил забрать ребёнка. Ты даже комнату прибрать толком не можешь, куда уж тебе воспитывать наследника?

Внутри всё клоочет от гнева, но я заставляю себя дышать ровно.

— Если у вас нет конкретных вопросов по работе постоянного двора, прошу не отвлекать меня. Много дел.

— Дел? — Женщина снова смеётся. — Какие у тебя могут быть дела? Ты теперь просто кормилица. Функция. И даже это ненадолго. Мой сын быстро найдёт более... подходящую замену.

А вот это тревожный звоночек. Если речь про новую жену, то пусть хоть трёх берёт, как султан. Меня больше волнует, не помешает ли он мне общаться с моим ребёнком.

Каждое её слово как удар ножом. Но я не подам виду. Не доставлю ей такого удовольствия.

— Это всё, что вы хотели сказать? — Я растягиваю губы в улыбке, даже не пытаюсь сделать её живой. — Я могу вернуться к своим делам?

Майгара хмыкает. Явно недовольна тем, что не смогла развить конфликт, но ничего нового придумать у неё не получается, так что ей приходится искать себе другую жертву для издевательств.

С последним презрительным взглядом в мою сторону она выплывает из комнаты. Только когда её шаги затихают в коридоре, я позволяю себе судорожно выдохнуть. Руки дрожат, в горле стоит ком.

— Ты хорошо держишься, — хвалит Винтер, обращаясь ко мне в мыслях, потому как никто больше на слова говорящего кота не реагирует. — Она просто злобная старуха, которая питается чужими страданиями.

Киваю, пытаюсь взять себя в руки. Но её слова всё ещё звенят в ушах. Функция. Замена. Отчасти она права...

— Вернись к работе, — советует кот. — Это лучшее лекарство от подобных... визитов. Она просто отвлекает тебя.

Да. Сосредоточиться на том, что могу контролировать. Не думать о её словах, о сыне, не думать...

Но почему-то бумаги перед глазами расплываются, и приходится несколько раз моргнуть, прежде чем вернуться к спискам.

Глава 22

Если вначале мне кажется, что я быстро втянусь в работу и возьму постоянный двор в свои руки, то, пролистав две счётные книги за последний год, я понимаю, что эта задача, возможно, и вовсе не имеет решения.

Вздыхаю, в очередной раз перебирая разрозненные листы с записями. Передо мной — настоящий хаос из чисел, пометок и каких-то непонятных символов. Некоторые страницы исписаны убористым почерком Рильды, другие — размашистыми каракулями её помощников, третьи и вовсе пусты.

— Как вообще можно было так вести дела? — бормочу я себе под нос, пытаюсь сложить в голове хоть какую-то картину. — Самой не разобраться.

Впрочем, возмущаться неприлично, вряд ли Рильда планировала свою смерть, чтобы кому-то пришлось перерабатывать её документы и брать дело в свои руки. И всё же я расстроена возникшими сложностями.

Признать честно, страсть как хочется просто взять и резко стать профи в этом вопросе, чтобы пойти напрямик к Кристарду и заставить считаться с собой. Стать для него незаменимой и гнуть свои условия. Чтобы уже этот наглец искал моего расположения, а не так, как сейчас!

С другой стороны я понимаю, что он всё же настоящий отец ребёнка, а не фальшивка, как я. Наверное, именно это сдерживает мои порывы в попытках вернуть сына. Я успела полюбить этого малыша всем сердцем.

Пока мы сидели в кабинете Рильды, Майгара сказала, как его зовут. Кселарон. Господи, какой же бред. Я узнаю имя собственного ребёнка из болтовни скандальной свекрови. Ну а как ещё? Не у муженька же спрашивать?

Да, возможно, это не мой ребёнок. Но если я оказалась его мамой, то хочу продолжить ей быть. Если меня не станет, значит он останется один на один с этим чудовищем, так? Без мамы?

Может, Кселарон и научится с этим жить, однако я хочу позаботиться об этом мальчике. Хочу быть ему нужной. Не знаю, могла ли настоящая Елена похвастаться этим.

Выходит, я пытаюсь не просто доказать Кристарду, что я не пустое место. Я доказываю это ещё и себе.

Да уж, вляпалась я знатно.

В офисе, где работала раньше, каждая цифра имела своё место, а документ — порядковый номер. И это не говоря о том, что у нас была электронная база, упрощающая поиск информации и доступ к ней. А здесь... Вот запись о закупке муки, датированная весной. А вот счёт за свечи, но без указания количества. А между ними — какие-то пометки о долгах постояльцев, половина из которых уже давно покинула двор.

Впрочем, могло быть и хуже. Я, в конце концов, каким-то образом понимаю их речь, записи. Времена года тут не отличаются от моих земных. Появились бы какие-то неясные значения, и что потом делать?

Трясу головой, пытаюсь избавиться от нарастающего желания перевернуть стол. Я думала, что смогу опереться на опыт Рильды, понять, как она управляла этим местом. Но теперь понимаю: она просто держала всё в голове, полагаясь на интуицию и годами наработанные связи. А у меня нет ни того ни другого.

— Что же делать? — шепчу я в пустоту, чувствуя, как подступает отчаяние.

Закрываю глаза, делаю глубокий вдох. Нет, нельзя сдаваться. Подумай, Лена. У тебя есть образование, есть опыт работы с документами. Пусть не такими, но...

Открываю новую, чистую тетрадь. Мои пальцы слегка дрожат, когда я макаю перо в чернильницу. Придётся начинать с самого начала. Построить такую схему, в которой легко будет

разобраться. Буду опираться на свой опыт в нормальном мире без драконов и ледяных монстров.

— Первое — учёт помещений, — произношу я вслух, выводя аккуратные строчки. — Сколько комнат, их состояние, стоимость проживания...

За этим последует учёт припасов, расходы на содержание двора, зарплаты работникам... Список того, что нужно сделать, растёт с каждой минутой, и от его объёма начинает кружиться голова.

Стук в дверь заставляет меня вздрогнуть, оторваться от бумаг. На пороге молодой солдат, он неловко переминается с ноги на ногу.

— Госпожа... вас просят подняться. Младенцу пора кормиться.

Сердце подпрыгивает к горлу. Мой мальчик! Вскрываю так резко, что опрокидываю чернильницу — чёрная клякса расплзается по свежим записям, но мне всё равно. Я бросаю поверх то, что принимаю за промокашку, и бегу за сопровождающим. Только сейчас понимаю, как измучилась от разлуки, как болезненно ныла грудь.

Поднимаемся по лестнице — слишком медленно, хочется бежать. Солдат стучит в дверь покоев Кристарда, дожидается короткого «Войдите» и пропускает меня вперёд.

Кристард сидит за столом, заваленным картами и документами. В колыбели рядом с его креслом мой малыш! Такой красивый родной.

Есть что-то невероятное в этой картине. Сильный мужчина, занятый работой и одновременно присматривающий за ребёнком. Вот только я слишком зла на него, чтобы позволить себе искренне умиляться этой картиной.

Тем более что дракон даже головы не поднимает, так что я сразу иду к колыбели.

— Здравствуй, солнышко, — шепчу я, взяв его на руки. — Соскучился по маме? И я скучала, так скучала...

Устраиваюсь в кресле, расстёгиваю платье. Краем глаза замечаю, как Кристард поднимает голову от бумаг и хмурится.

— Кушай, маленький, — продолжаю я говорить с сыном, поглаживая его пушистую головку и не обращая внимания на очевидно уже бывшего после разлучения меня с малышом мужа. — Какой ты у меня хороший, какой сильный. Вот так, молодец...

— Раньше ты не разговаривала с ним. — Голос Кристарда заставляет меня вздрогнуть. В нём слышатся недоумение и... подозрение?

Не знаю, что ответить. Как объяснить, что каждое мгновение с сыном теперь — драгоценность? Что боюсь не успеть наговориться с ним, налюбоваться им?

— Просто... ему нужно слышать мой голос...

Глупость, возможно. Я не знаю, почему мне хочется тараторить без умолку. Я теперь почти не вижу сына и пытаюсь вложить в эти короткие минуты всю свою любовь, всю нежность.

Проходит где-то полчаса, тишину которых нарушает только моё воркование. Малыш заканчивает есть, а когда я кладу его на плечо, чтобы дождаться, когда он срыгнёт, начинает хныкать.

— О, ты испачкался? — догадываюсь я. — Сейчас мы с тобой...

— Нет, — обрывает Кристард. — На этом всё. Можешь идти.

— Но... — Я прижимаю сына к груди, не желая отпускать. — Пожалуйста, я только переодену его...

— Я сказал — нет! — Его голос становится жёстким. — Его бабушка справится, она здесь для этого. Ты свободна.

Будто по команде, в комнату входит Майгара. Она снова успела переодеться, неизменен только её взгляд в отношении меня: остался таким же холодным.

Дрожащими руками передаю ребёнка вошедшей женщине. Кселарон начинает плакать, и каждый его всхлип отдаётся болью в сердце.

— До свидания, маленький, — шепчу я, борясь с подступающими слезами. — Я люблю тебя.

Выхожу из комнаты, еле держась на ногах. В ушах всё ещё звенит детский плач. Прислоняюсь к стене, пытаюсь восстановить дыхание.

Нужно вернуться к работе. Сосредоточиться на делах. Не думать о том, как пахнут его волосики, какой тёплый он был в моих руках, как отчаянно не хотелось его отпускать...

Но вместо этого я сползаю по стене и обхватываю колени руками.

Нужно подняться, вытереть слёзы, расправить плечи. И справиться.

Я должна. Ради него.

Глава 23. Кристард Деролон

— Да, Ваше Величество. Я всё понял. Будет исполнено, — киваю я, хотя собеседник через кристалл связи не может этого видеть.

За стеной в соседней комнате надывается Кселарон, и каждый его крик отдаётся в висках острой болью.

Наконец Лианор прощается со мной. Тру переносицу, пытаюсь собраться с мыслями. Злит то, что у меня недостаточно информации, что эта командировка рискует затянуться.

С одной стороны, хорошо. Мало прецедентов, значит мало жертв, но, к сожалению, основная часть информации собирается на анализе трагедий.

Стоит попробовать организовать что-то подобное, однако в контролируемой и максимально безопасной среде. Чтобы и данные собрать, и человека не потерять. Нужно выбрать кого-то из солдат.

Я бы и сам пошёл, но, увы, эти твари чувствуют жар драконьей крови и не приближаются. Основная их масса, разумеется.

Плач становится громче — невыносимо. Что там делает мать? Встаю с кресла и быстрым шагом направляюсь в соседнюю комнату.

— Ну же, перестань! Какой капризный мальчишка! — Голос матери звенит от раздражения.

Кселарон, красный от крика, извивается у неё на руках.

— Дай его мне.

Мать с явным облегчением передаёт ребёнка.

Прижимаю сына к груди, и он почти сразу затихает. Маленькие пальчики цепляются за мой камзол, влажное от слёз личико утыкается в шею. Что-то сжимается внутри от этого доверчивого жеста.

— Ну вот опять. — Мать раздражённо поправляет причёску. — Совершенно избалованный ребёнок. Это всё твоя жена потакала ему во всём, теперь он и минуты не может провести без няньки.

— Мама, — вздыхаю я, покачивая притихшего Кселарона. — Может быть, дело не в избалованности? Если бы ты больше внимания уделяла его потребностям...

— Что?! — Она резко разворачивается, глаза сверкают. — Смеешь учить меня обращаться с детьми? Я вырастила тебя и твоих братьев!

— И сейчас было бы неплохо применить этот опыт.

— О нет. — Мать машет рукой, прерывая меня. — Я своё отнянчила. Я здесь, чтобы помочь тебе избавиться от этой... от твоей жены. А не чтобы снова возиться с пелёнками и соплями.

Чувствую, как начинает пульсировать жилка на виске. Сын, словно почувствовав моё напряжение, беспокойно ёрзает.

— Тогда, возможно, стоит нанять няню? — Я стараюсь говорить спокойно, хотя внутри всё кипит.

— Чтобы она тоже его разбаловала? Нет уж, я прослежу, чтобы мой внук вырос настоящим мужчиной, а не маменькиным сынком!

Кселарон снова начинает хныкать. Глажу его по спинке, чувствуя, как колотится маленькое сердечко.

— Мама. — Мой голос становится жёстче. — Если ты не хочешь заниматься внуком, это твоё право. Но тогда не вмешивайся в то, как о нём заботятся другие.

— Ах вот как? — Она прищуривается. — Собираешься вернуть ребёнка этой...

— Разумеется, нет, — обрываю её я. Достаточно на сегодня.

Мама поджигает губы, всем своим видом выражая возмущение. Но я уже не слушаю её. Сажусь в кресло, устраивая сына поудобнее. Он затихает окончательно, посапывая мне в шею. Такой маленький, беззащитный...

Краем глаза вижу, как мать выходит из комнаты, демонстративно хлопнув дверью. Но сейчас меня это не волнует. Всё внимание приковано к тёплому свёртку на руках. У меня столько работы, совсем нет времени и сил, чтобы уделять ему достаточно внимания.

Всем этим должна была заниматься Елена, однако потом она решила, что умереть в лесу лучше, чем просто быть моей женой.

— Что же мне с тобой делать, малыш? — Я осторожно поглаживаю пушистые волосики. — Ты слишком юн, чтобы брать тебя на задание. Здесь ты мне совсем не мешаешь, но там... Будет сложно сражаться и присматривать за тобой.

Сын, уставший за время своей истерики, ворочается. Ему бы поспать, но думаю, что сперва его стоит отнести к Элене и покормить.

Поднимаясь с кресла. Выбора нет, как бы сильно ни любил своего сына, я не смогу сам закрыть все его потребности. К сожалению, это не только потому, что он ещё младенец.

— Пойдём искать твою мать, — говорю я сыну, который уже начинает нетерпеливо ёрзать.

Нахожу её в одной из комнат нижнего этажа. Сидит на стуле, сжав голову руками. При виде Кселарона её лицо искажается гневом.

— Как вы могли? — шипит она, вскакивая. — Я слышала, как он кричал! Почему никто...

— Молчать, — спокойно, но строго приказываю я.

Элена осекается на полуслове, однако в глазах пляшут злые огоньки.

Передаю ей сына, наблюдаю, как она устраивается в кресле. Что-то тихо шепчет ему. Связь между ними... раздражает и восхищает одновременно.

Отхожу к окну, делая вид, что рассматриваю двор. Мысли крутятся вокруг одного. Что дальше? Мне нужно возвращаться к заданиям. Кому оставить сына?

Может быть... может быть, стоит позволить Элене больше времени проводить с ним? Она явно знает, что нужно ребёнку. И Кселарон к ней тянется...

Но тут же вспоминаю о её побеге, о предательстве. Как можно доверить ей воспитание наследника после такого? А если она снова попытается сбежать?

Бросаю взгляд через плечо. Она полностью поглощена кормлением, словно в целом мире не существует ничего, кроме их маленького уголка. На лице — умиротворение и нежность. Это делает её как-то по-особенному красивой...

Нет. Нельзя позволить чувствам затуманить разум.

Я мог бы оставить ей Кселарона и попросить мою мать присматривать за ними. Держать ситуацию под контролем.

Тут же вспоминаю недавнюю сцену в детской, её раздражение, нежелание заниматься внуком. Нет, это не вариант. Она только всё усложнит. А если они с Эленой снова сцепятся, мой сын может пострадать.

Сжимаю кулаки, чувствуя, как раздражение нарастает.

Проклятье! Почему всё так сложно? Если бы Елена не предала моё доверие и просто поговорила со мной, вместо того чтобы убегать...

— Он уснул. — Тихий голос прерывает поток мыслей.

Киваю и забираю сына. Он сыто причмокивает, глазки уже закрыты. Елена встаёт и собирается уйти, но у двери останавливается.

— Кристард...

На секунду я чувствую, что готов её выслушать, однако потом меня сносит воспоминание о том, как глупо она бегала от меня по всему двору, и я прикрываю глаза.

— Иди.

Дверь тихо закрывается. Прижимаю засыпающего сына, вдыхаю сладкий детский запах. Нужно сделать невозможное и найти здесь няню. Кого-то опытного, надёжного. Кого-то, кто сможет заменить мать, пока я не буду уверен, что могу ей доверять.

Если такой день вообще когда-нибудь наступит.

Глава 24

Голова гудит, словно колокол. Поднимаюсь с постели, морщась от боли в груди: молоко прибывает, а сына нет рядом. Эта мысль отзывается покалыванием где-то под сердцем.

Ночь выдалась тяжёлой. Дважды за мной присылали стражников: Кселарон был голоден. И каждый раз стоило мне только привыкнуть к теплу его маленького тельца, насладиться близостью, как меня отсылали прочь. Простая функция для поддержания жизни. Кормилица собственного ребёнка. Я стараюсь не унывать, но это не так просто.

Подхожу к окну, прислоняюсь лбом к прохладному стеклу. Внутри всё кипит от смеси усталости, обиды и злости. Понимаю, что часть эмоций — просто гормоны, качели настроения. Однако от понимания не становится легче.

Горько усмехаюсь, думая о том, какое счастье, что в этом мире не знают о сцеживании молока. Иначе меня, наверное, вообще бы не пускали к сыну. Зачем, если можно просто собрать молоко в бутылочку? По крайней мере, необходимость кормить грудью даёт мне эти драгоценные минуты с ним.

Стук в дверь заставляет вздрогнуть. Это Таша с подносом завтрака. Её лицо непривычно встревожено, движения неловкие, явно что-то случилось.

— Что такое? — спрашиваю я, наблюдая, как она расставляет тарелки.

— Да... так, — мнётся девушка, теребя передник.

— Что случилось? Говори давай.

— Лорд Деролон... он расспрашивал меня утром. О том, кто мог бы присматривать за молодым господином, когда он будет в отъезде.

Чашка звякает о блюде слишком громко — руки дрожат от внезапной волны гнева.

— Вот как? — Мой голос звучит хрипло. — И что ты ответила?

— Сказала, что не знаю никого достойнее тебя. — Она опускает глаза. — Но он и слушать не стал.

Внутри всё переворачивается. Значит, вот как? Он даже не рассматривает возможность доверить мне нашего сына? После того, что его мать устроила вчера, очевидно, что Кристард и сам понимает, его Майгара на эту должность не подходит ну никак. Но неужели он собирается упрямиться и отказывать в очевидном?

— Конечно. — Горечи в голосе не скрыть. — Зачем доверять ребёнка той, кто всего лишь носила его девять месяцев?

Таша беспомощно разводит руками. Я не злюсь на неё. Просто не могу сейчас быть хладнокровной и держать мысли при себе.

— Слушай, там баню подготовили. Сбегай первая, а? Пока постояльцы не набились.

— Сейчас?

— Самое время, — говорит она. — Слуги всегда ходят рано утром, пока господа спят.

Предложение Таши звучит заманчиво. После всех переживаний я легко хватаюсь за идею немного расслабиться. Нужно только убедиться, что с малышом всё будет в порядке.

Собрав чистую одежду и полотенца, первым делом иду проверить Кселарона. Страж на входе говорит, что малыш спит безмятежным сном. Это немного расстраивает, но у меня есть время позаботиться о себе.

Может, и идея какая появится? На свежую голову.

Баный комплекс за постоянным двором поражает воображение. Теперь понятно, почему здесь даже в это время года так много постояльцев. Источники окружены изящной каменной кладкой, создающей несколько уединённых купален разного размера. Над водой клубится пар, воздух пахнет солью. Витые колонны поддерживают лёгкую крышу, защищающую от непогоды,

но между ними — только резные деревянные ширмы, оставляющие открытым вид на заснеженный лес. Невероятное чувство — сидеть зимой на улице в горячей воде.

Раздевалка представляет собой просторное помещение со скамьями и крючками для одежды. Развешиваю свои вещи, оставляю здесь же полотенца. На мне только тонкая нижняя рубашка.

Вода обжигает первые несколько секунд, но потом тело привыкает. Погружаюсь по плечи, чувствуя, как постепенно расслабляются мышцы. Горячая солёная вода согревает спину, снимая напряжение бессонной ночи.

Прикрыв глаза, размышляю о Кристарде. Может быть, если я проявлю больше терпения... Если докажу, что изменилась... Что мне можно доверять... Возможно, тогда он позволит мне быть ближе к сыну?

Радует, что он начал искать кого-то. Тоже понимает, что его мать на эту роль не подходит. Вопрос в том, как убедить мужа, что я его лучший вариант? Может быть...

Пар поднимается над поверхностью причудливыми узорами, капельки конденсата стекают по каменным стенам. Где-то вдалеке слышится пение ранних птиц, а лёгкий ветерок, проникающий сквозь ажурные ширмы, приносит свежий аромат хвои.

Скрип входной двери обрушивается на меня, как снежная лавина. Сердце пропускает удар, а затем начинает колотиться так, что становится больно рёбрам. Этот голос... Я узнаю его из тысячи.

— Проверь документы ещё раз. — Глубокий баритон Кристарда эхом отражается от стен. — Особенно расчёты по северному маршруту.

Замираю, боясь пошевелиться. Даже дышать, кажется, перестаю. Вода, секунду назад такая успокаивающая, теперь ощущается кипящим маслом в одном из котлов ада. Или это кровь так бурлит от паники?

— Конечно, лорд, — отвечает второй голос. Кажется, его помощник. — Но сначала позвольте...

Звук снимаемой одежды. Шорох ткани. Стук сапог о деревянный пол. Каждый звук отдаётся в висках пульсирующей болью. Что это двое вытворяют?!

Мои вещи... Все там! Они вообще по сторонам не смотрят? Почему не видят, что здесь занято?!

Опускаю взгляд на промокшую рубашку — тонкая ткань облепила тело, не скрывая практически ничего. Щёки вспыхивают от одной мысли, что он может увидеть меня такой.

Задерживаю дыхание. Пожалуйста, только не этот. Не сюда...

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.